

**Беллер помимо Беллерофонта.
(Фрагмент мифологической культуры Северных Балкан и
Древней Европы)¹**

1. Перепутья проблемы.

Общепризнанно, что имя греческого героя Беллерофонта с конечным сегментом -φόντης 'разящий, убивающий' содержит в начальной части некую основу, не объяснимую из греческого корнеслова².

Античная традиция, начиная с «Илиады» (VI, 152-205), представляет миф о Беллерофонте на поздней ступени его эволюции, когда образ коринфянина, хранящего Ликию от чудовищ и враждебных народов, стал символом греческой колонизации в Анатолии, будучи одновременно перенасыщенным реминисценциями трансэгейских связей, восходящих к микенским временам. Более ранние стадии мифа приходится восстанавливать, опираясь на сохранные той же традицией рудименты. При этом ключевым вопросом оказывается как раз интерпретация имени героя, развертывавшегося античными комментаторами в историю убийства им вблизи Коринфа персонажа по имени Βέλλεροϛ – эпизод, никак не сопряженный с кругом малоазийских деяний Беллерофонта (Schol. II. VI, 155; Eusth. 632, 6; Tzetz. Alex. 17).

К сожалению, этот мотив был вовсе проигнорирован Л.Мальтеном в его замечательных работах о «Пра-Беллерофонте» как грозном конном боге - истребителе хтонических страшилищ. В низвержении Зевсом атакующего Олимп героя и в переходе несущего молнии коня Пегаса к греческому громовнику ученый раскрыл столкновение культов Зевса и функционально тождественного ему локального божества. Однако доказывая с огромной

---

* Colloquia classica et indogermanica III. Классическая филология и индоевропейское языкознание. СПб. 2002.

¹ Эта работа представляет результат наших почти 15-летних исследований, отразившихся в более ранних публикациях: Цымбурский 1987; Калужская-Цымбурский 1988; Калужская-Цымбурский 1991.

² Вариант 'Ελλεροφόντης 'Убийца Злого' (Eusth. II. 656, 6), ср. ἔλλερα· ἔχθρα, πολέμια, ἄδικα 'враждебное, бесчинное' (Hes.) (с вариантом передачи βέλλερα в Et. M. и Schol. Theog. 325, указывающим на дигамму в начале этой формы) представляет собой не более чем перифрастическое прозвище победителя страшилищ, наряду с Λεωφόντης 'Убийца Льва' (Schol. II. VI, 155). В начале имени Беллерофонта твердо фиксируется смычный в отличие от дигаммы в этимологизирующей хвалебной эпikleze.

искусствоведческой эрудицией переднеазиатское происхождение образов крылатого коня и изрыгающей пламя полукозы-полульва Химеры, Л.Мальтен видел в Беллерофонте сугубо анатолийского бога, превращенного в коринфянина претензиями эллинизированных ликийских династов на «хорошую» греческую родословную (Malten 1925; 1944). Потому, отвергая все разноречивые толкования имени Беллерофонта наукой XIX в. - в диапазоне сближений от индийского эпитета Индры *Vrtra-han* 'Убийца Вритры' (Gruppe 1887, 105, обзор) до финик. *Baal-Rafon* 'Баал-Целитель' (Lewy 1895, 190 f., чья идея явно анахронически повторена в: Astour 1965, 228 f.) – Л.Мальтен само вычленение -φόντης объявил греческой переделкой малоазийского теонима, а историю поражения Беллера – этиологической спекуляцией. Реконструкция Мальтена приводила к **Беллерофонту без Беллера**.

Однако еще за два года до появления основной работы Л.Мальтена на эту тему К.Оштир впечатляюще соотнес имя Беллера с такими словами из живых балканских языков, как алб. *bullar* 'полоз', с.-хорв. *blävōr*, *mulävār* то же, рум. *bălaur*, вар. *balaur* 'сказочный дракон' (Oštir 1923; более подробный обзор материала см. ниже). К тому времени эта серия уже давно привлекала внимание этимологов, не находивших ей достоверного объяснения. Так Г.Мейер возводил рум. *bălaur* (*balaur*) к с.-хорв. *blävōr*, а последнее, через предполагаемое посредство раннеалб. **bolvurë* - к нар.-лат. **belvula* от *bēllua* 'огромный зверь' (Meyer 1891, 41). Но эта гипотеза наталкивается на то непреодолимое препятствие, что в албанском *ō* > *e* только в исконных словах (например, алб. *pelë* 'кобыла' < и.-е. **pōlā*, ср. греч. πῶλος 'жеребец' и пр.). В латинских же заимствованиях, как более поздних, этот звук дает *e* или *i* (ср. лат. *rex* 'царь' > алб. *regj*, лат. *lex* 'закон' > алб. *ligj* и под.). Кроме того, переходы от предполагаемого **belvula* к **bolvurë*, а от последнего к *bullar* и *blävōr* требуют массы фонетических натяжек, попирая все критерии лингвистической строгости. Сближение, выдвинутое К.Оштиром (впрочем, обычно цитируемое без указания имени автора), представило все эти формы в другом свете, одновременно став популярным примером древнебалканского субстратного вклада в греческую мифологию (Ciogănescu 1958, 61 s.; Bonfante 1968, 97; Poghirc 1969, 328; Solta 1980, 53). Однако конкретное фонетическое соотношение современных балканских слов между собою и с др.-греч. Βέλλερος оставалось неразъясненным.

Правда, П.Скок, рассматривая с.-хорв. *blävōr* 'Ophisaurus apus, безногая змеевидная ящерица длиной около 1 м', *mulävār* то же, с диалектными вариантами *blävūr*, *blaur*, *blör*, *bävōr*, *blabor*, *babor* и т.д. и расценивая их как редкий дославянский реликт на Балканах, общий для румынского и албанского, пытался вывести обобщенную праформу.

Для вариантов с *b-* в анлауте он таковой считал **bŭlaúrŭ-* (< **bŏlaúros*) с падением редуцированного безударного и развитием *-v-* в хиатусе. Соответственно, варианты с *m-* при сохранении гласного в первом слоге побуждали его в параллель к **bŏlaúros* принять вариантный прообраз **mŏlauros*. В предельно достижимой хронологической глубине П.Скок, ссылаясь на фракийское и иллирийское развитие *ou > au*, предполагал дублиеты **bolouros : *molouros* (Skok 1930, 512 f.; Skok 1971, 169 s.). Вслед за ним, М.Дуранте доказал древние истоки форм с начальным *m-*, приведя название вида змей в «Териаках» Никандра, ст. 491 *μόλουρος* (II в. до н.э.) и усмотрев родственные образования в калабр. *mujurija* ‘*Salamandra aquatica*’, *monarida* ‘*serpentella*’, каковые он возводил через посредство итало-греческих диалектов к мессапскому³. Кроме того, он впервые обратил внимание на топоним Βόλουρος в Иллирии, как на возможное отражение апеллатива, развившегося в алб. *bullar* и, подобно Скоку, восстановил альтернацию **bolouro- : *molouro-* (Durante 1950). Позднее в ту же группу включил Βόλουρος и Ф.Безлай, указав еще на словен. *blàvor* ‘сказочная змея в алмазной короне’, вар. *babor* (Истрия), *mlàvor* (Крас), *moláver* ‘змеиная болезнь, возникающая, если убитому гаду не отрубят голову’ (Bezljaj 1976, 25)⁴.

Нельзя сказать, чтобы эта реконструкция была неуязвима. Переходы *ou > au* по фракийским и иллирийским диалектам относятся еще к доисторическому времени (Гиндин-Цымбурский 1996, 212-214; Mayer 1959, 145), так что сохранение более древнего состояния в античных фиксациях *μόλουρος*, Βόλουρος оказывается непонятным, не говоря о том, что диграф *ou* в таких случаях, как и во множестве других примеров, скорее всего, передает простое *[u]*. Кроме того, при объяснении фонетического облика промежуточных звеньев **bolouro- : *molouro-*, апелляция П.Скока, а позднее и Г.Зольты (Skok 1971, 170; Solta 1980, 54-55) к иллирийскому суффиксу *-aurus* (о нем см. : Krahe 1925, 92, 96, 107; Krahe 1929, 10, 52, 72, 147) выглядит малоперспективной, поскольку на поверку оказывается, что этот суффикс надежно представлен в считанных иллирийских словах,

---

³ Но *μόλουρος* в тех же «Териаках», ст. 416, означающее по схолиям к ним и согласно словарю Свида, *ἀκρίς, σίλφη* ‘саранча, моль’, может быть, вопреки М.Дуранте, другого происхождения, общего со слав. **molvь*, гот. *malo* ‘моль’, арм. *mlukn* ‘клоп’.

⁴ Неясно, отражает ли частое сохранение гласного первого слога в сербохорватских и словенских формах на *m-* (при всегдашнем выпадении его в формах на *b-*) особенности раннего ударения или просто обусловлено скоплением двух сонорных, ср. словен. диал. *mlàvor* (Крас) (Bezljaj 1976, 25), с.-хорв. кличка *Млāvār* (РСА 12, 676).

каковыми являются имя бога-врача *Medaurus*, антропоним *Masaurus* и еще один-два гораздо более сомнительных случая⁵. В восточных же, фракийских, районах древних Балкан он неизвестен вовсе. На эти сложности накладывается наличие в албанском и румынском этимологически также дискуссионных слов: алб. *bollë* 'вид змеи, Callapetis Aescularii; змея вообще', рум. *bală* 'чудовище', к которым на синхронном уровне притягиваются семантически смежные и созвучные алб. *bullar*, рум. *bălaur*. В построении Скока-Дуранте, как можно видеть, осталось немало моментов, вызывающих недоуменные вопросы.

Между тем, многие авторы попросту проигнорировали как наблюдение К.Оштира, так и выводы Скока-Дуранте и, как следствие, этот ряд балканских форм подвергся в XX в. множеству произвольных и разноречивых интерпретаций, от одного перечня которых у читателя может пойти кругом голова. Иные по-прежнему искали для всех этих слов вместе взятых или хотя бы для некоторых из них народно-латинское (романское) объяснение. Известность получила гипотеза Н.Йокля, который и рум. *bală*, и алб. *bollë* выводил из лат. *boa, bova* (> *bola) 'большая водяная змея, питон', а в основе рум. *bălaur* ~ с.-хорв. *blävör* ~ алб. *bullar* усматривал словосочетание *bola vora 'змея-пожирательница' (Jokl 1921, 228-233). Все это выглядело весьма искусственно, особенно если учесть постулируемый ad hoc переход -v->-l- и, к тому же, вероятно заимствованный характер не имеющего этимологии лат. *boa* (Walde-Hofmann 1938, 110; Ernout-Meillet 1979, 72). Не менее наивна была латинская этимология А.Филиппиде, объясняющая рум. *bălaur* < лат. *bellua aura* 'зверь, летающий по воздуху' (Philippide 1928, 634). Э.Чабей связывал алб. *bollë* с латинской глоссой неведомого происхождения *bolea* (по Н.Йоклю, все из того же *boa*), полагая *bullar* дериватом от *bollë* с суффиксом -ar < лат. -arius (Çabej III, 205; IV, 278). Тем самым албанское слово напрочь отрывалось от румынского и славянских, которые подобным образом

⁵ Иллирийское имя Γάλαυρος, скорее всего, идентично этнониму Γαλάβριοι, лат. *Calabri* (Mayer 1957, 147). Форма *Arthetaurus* может быть композитом (со вторым элементом -*taurus*, ср. лат. *taurus* 'бык', греч. ταῦρος, ст.-слав. ТОУРЬ?). Наконец, в гидронимах и названиях кастелей *Pisaurus*, *Metaurus*, *Isaurus* на территории Пицена, Бруттия и Лукании указанный сегмент -*aurus* способен трактоваться как полнозначный, ср. др.-исл. *aurr* 'вода', греч. ἄν-αυρος 'безводный'. При этом иллир. (?) *Met-aurus* позволительно толковать, наряду с *Met-apa* и *Metu-barbis*, как «Между-речье» (ср. Mayer 1959, 232). Правдоподобно объяснение *Is-aurus* < и.-е. *Heis-Heuros 'быстрая вода' (сюда же название Ἴσ-αυρία в Анатолии, к начальной части – др.-инд. *eṣa* 'спешащий', фракийское название Дуная Ἴστρος т.д.), ср. хет. *Hiššaš-ḫapaš*, фрако-троян. Αἴστρος < *Heis-Hepos с тем же значением (Гиндин-Цымбурский 1996, 238).

объяснить невозможно, не говоря уж о том, что крайне сомнительным было бы подобное применение для суффикса с функционально-агентивным значением (Воронина-Грошева 1987, 202-203). Наконец, Г.Брынкуш, не вдаваясь собственно в этимологию рум. *bălaur*, настаивал на том, что алб. *bullar* заимствовано из записанной им в аромынских селах на территории Албании формы *bullar(u)*, будто развившейся из *bălaur* с *ă > u* по ассимиляции (Brâncuș 1983, 33-34). На наш взгляд, траектория тут прямо противоположна: поскольку аром. *bullar(u)* является локализмом, встречающимся только в Албании, естественно думать, без фонетических натяжек, что для него источником является алб. *bullar*. Формами же вроде с.-хорв. *mulávār* все этимологии с романским уклоном пренебрегали единодушно.

Другие ученые просто конструировали для рум. *bălaur* архетипы в виде различных измышляемых по смысловому правдоподобию индоевропейских композитов. Х.Барич видел тут и.-е. **balō-urs-* 'водяная змея', где первая часть сравнивалась с др.-англ. *pōl* 'болото, топь', лит. *balà* то же, а вторая - с основой *uers-* 'ползти', являющей собою нулевую ступень в алб. *rish* 'ползать', *rrëshájë* 'гадюка' (Bariç 1919, 3-5; 1961, 23 v.); В.Георгиев – и.-е. **bola-udra* 'большая водяная змея' (Georgiev 1965, 79 s.); Й.Руссу – сочетание **bhel-* 'надуваться, вспухать' + *uer-* 'крутить, вертеть' (Russu 1970, 133-134). Особенно живописно и изобретательно было построение Б.П.Хашдеу, оттолкнувшегося от изображения дакийского знамени с летящим драконом на одном из рельефов Траяновой колонны и предположившего, что название государственного стяга поздней императорского Рима *labarum* было перенято победителями-римлянами у покоренных дакийцев, где оно могло обозначать царскую эмблему-дракона. Таким образом, рум. *bălaur* разлагалось им на некие составляющие **běl-* и *-laur-* и интерпретировалось как 'flavus serpens', 'огненно-сияющий змей' (Hasdeu 1976, 439-446).

Наконец, начиная с самого Оштира и пользуясь зыбкостью всех индоевропейских и романских конъектур, существовало течение, хотя и включавшее Вéλλερος в одно гнездо с северо-балканскими словами, однако трактовавшее их все как наследие «кавказоидного», «алародийского» и т.д. субстрата (Oštir 1923; Vilhar 1931; Николаев 1984), чем полностью обесценивалось бы значение данной параллели в споре о балканском или малоазийском происхождении фигуры Беллерофонта.

Среди потока гипотез, на наш взгляд, известного интереса заслуживает этюд В.Э.Орла (Орел 1981, 72-76) – как со смысловой стороны, так и дотошным стремлением автора детально, пусть не всегда успешно, разьяснить звуковые соотношения между рассматриваемыми лексемами, в том числе и догреч. Вéλλερος. С ходу

отвергнув идею непосредственного палеобалканского заимствования в сербохорватском, В.Орел расценивает слав. *bъlavrь в качестве проникновения из рум. *bălaur* (слав. *ъ* < рум. *ă*). Последнее же, по его мысли, имеет за собою «албано-южнобалканский» прототип **bĕl-lauro-* ‘белый камень’ (ср. греч. λαῦρα ‘камень’), что мотивируется функциями камня в так называемом основном индоевропейском мифе о борьбе Бога-Громовержца со Змеем, по реконструкции Вяч.Вс.Иванова и В.Н.Топорова (Иванов-Топоров 1974).

Как мы увидим ниже, при всей, на первый взгляд, экстравагантности подобного решения, сама по себе мысль о связи рассматриваемых слов с обозначениями ‘камня’ и ‘горы’ не лишена эвристической ценности. Но с формально-звуковой, да и с ареально-лингвистической точек зрения, к построениям В.Орла можно предъявить серьезные претензии. Как и многими упоминавшимися выше авторами, им не учтены варианты с *m-* в славянских языках балканского запада, которые никак не могут быть румынского или албанского происхождения. Кроме того, выводя догреч. Βέλλεροϝ все из того же **bĕl-lauro-*, исследователь пытается отнести к догомеровским временам раннеалбанское упрощение *au > a*, каковое на самом деле состоялось уже после эпохи латинских заимствований, как показывает алб. *ar* ‘золото’ < лат. *aurum*⁶. Также едва ли можно оправдать выведение *-ll-* в алб. *bullar* из этимологического сдвоенного *-ll-*, всегда дающего простое алб. *-l-* (ср. лат. *pulla* ‘курица’ > алб. *pulë*, лат. *caballus* ‘лошадь’ > алб. *kalë*). Обычно за алб. *-ll-* стоит на уровне праформ либо интервокальное *-l-*, либо сочетание *l* с *w*, *n*, *s*. Наконец, из иных албано-румынских изоглосс известно, что с алб. *-ll-* в румынском корреспондирует не *-l-*, а *-r-*: ср. рум. *viezure* ‘барсук’ : алб. *vjedull* и проч. Догадка В.Орла насчет румынской диссимиляции *-r-r- > -l-r-* в этом случае не находит подкреплений, а противоречащие ей факты имеются: вспомним ст.-рум. *duroare* ‘печаль’ < лат. *dolorem*.

Далее оставляя в стороне и рум. *bală*, и алб. *bollë*, будто бы в равной мере продолжающие лат. *bĕlluā* (а это как раз для албанского невозможно из-за различий в трактовке им исконного и латинского *ē*), В.Орел реконструирует ранний вокализм алб. *bullar* по схеме: алб. *u-*

⁶ Не исключено, что тенденция такого упрощения начинает зарождаться во фракийском и иллирийском ареалах в римскую эпоху: ср. ἄτῶς ~ греч. αὐτῶς, Ἄρηλιῶ ~ лат. *Aurelius*, Κλαδίου ~ лат. *Claudius* в греческих надписях из Фракии времен Империи (наряду с обычными передачами дифтонгов: Αὐρήλια и т.д.), также иллирийские дублеты типа Αουροπίνοι : Ἄρουπίνοι, Ταυλάντιοι : Ταλάντιοι и т.д. (Гиндин 1974, 74; Mayer 1959, 144 f.). Но когда эта тенденция охватила раннеалбанские диалекты и на сколько веков растянулось это преобразование, прежде чем дифтонги в этих диалектах были окончательно устранены, остается неясным.

безударное < *o < и.-е. *ē. Очевидно, что он тут всецело ориентируется на фонетику рум. *bǎlaur*, где *ǎ* явно продолжает *ē*. При этом славянские слова с их фонетикой вообще не принимаются в расчет как «вторичные». Хотя в действительности дело может обстоять и прямо противоположным образом: в случае происхождения рум. *bală* < *bēlluā, вероятность его аналогического влияния на *bǎlaur* способна внушить серьезные сомнения в «аутентичности» огласовки последнего. Напротив, западно-балканские формы: славянская, восходящая к *bǎlavrь и алб. *bullar*, – образуют безупречное соответствие, которое позволяет беспрепятственно вывести для них общий прототип **bŭlaur(ŭ)*-. Возможно, палеобалк. Βόλουρος и греч. μόλουρος в его отношении к с.-хорв. *mulāvār*, словен. *molāver* позволяют воссоздать для всех этих слов еще более древнее состояние с [o] в корне и [u] в суффиксе. Но пути перехода от этого раннего звучания *boluros/**moluros* к ближайшему восстанавливаемому **bŭlaur(ŭ)*-/мōlaur(ŭ)- неизвестны и требуют специального обсуждения⁷.

Если же говорить о значениях сравниваемых слов, то предполагаемая В.Орлом траектория их заимствования (раннеалбанский > румынский > славянский) оказывается достаточно курьезной. Как в албанском, так и в славянских языках бывшей Югославии эти термины имеют устойчивый зоологический денотат, относясь по большей части к конкретному виду рептилий *Orphisaurus arus* или *Pseudopus arus*, безногим ящерицам из рода медяниц, так называемым полозам-желтопузикам, в народе ошибочно принимаемым за змей (Fjalor, 51; Fjalor 1980, 196; РСА I, 597). Напротив, в Румынии *балаур* – в основном сказочно-мифическое тератоморфное или даже антропоморфное существо с очень ограниченными зоологическими увязками (о чем ниже подробнее). Если принять для слов путь, выстраиваемый В.Орлом, то пришлось бы допустить, что албанское наименование желтопузика, попав к румынам, в их устах трансформировалось в название для сказочных монстров, чтобы вслед за тем, будучи из румынского воспринято частью южных славян, у них снова опуститься до обозначения все той же самой безногой ящерицы. Согласиться с таким решением трудно. Мы считаем гораздо более естественным исходить из того, что слова рассматриваемой группы с альтернативой *b/m* на западе Балкан (откуда, вероятно, к грекам попал и термин μόλουρος, ср. калабрские параллели) очень рано специализировались в функции зоонимов. Между тем на востоке

⁷ Здесь и далее мы даем предполагаемое древнее состояние лексем, ориентируясь на их топонимические отражения в греческих передачах, не касаясь вопроса о том, могут ли в каких-то случаях за этими передачами стоять адаптированные греками формы с фракийским и иллирийским развитием тематического гласного *o > a* (типа *boluras).

лексемы от той же основы (скорее всего с иной огласовкой) пребывали по преимуществу в мифологическом смысловом регистре, причем ответвление такого узуса мы видим и на юге Балканского п-ова, на Пелопоннесе, в субстратном компоненте мифа об Убийце Беллера.

Подытоживая обзор, надо признать, что наиболее ценные результаты в изучении генезиса данных балканских форм связаны с той линией, которая ведет от К.Оштира к П.Скоку и М.Дуранте. Лежащий же в стороне от этой линии опыт В.Орла научно ценен тем, что от противного подталкивает к мысли о стоящих за современными словами этой серии двух ранних вариантах, восточно- и западнобалканском, издревле разошедшихся в плане как значения, так и звучания.

2. Первый шаг анализа: снятие современных внутриязыковых аттракций.

Приступая собственно к анализу проблемы, связанной с генезисом и историей интересующих нас слов, мы хотим с самого начала снять моменты эту проблему затемняющие и определяемые, как уже говорилось, отношениями внутри румынского и албанского между рум. *bălaur* (*balaur*) и *bală* в одном случае и алб. *bullar* и *bollë* - в другом.

Несмотря на иногда высказывавшиеся на этот счет в прошлом сомнения, для рум. *bală* происхождение из лат. *bēllua(m)* вполне достоверно, ибо единственно оно объясняет звуковой состав слова. Развитие ударного $\bar{e} > a$ после губного под влиянием этимологического исхода основ на $-\bar{a}$ хорошо известно в румынском, ср. рум. *vară* 'лето' < *vēra(m)*, при *măr* 'яблоко' < лат. *mēlum* (Сергиевский 1952, 231 сл.), также ср. рум. *fată* 'дочь' < лат. *fētam* или рум. *masă* 'пища' < лат. *me(n)sa(m)*, для которых рано обособившимся аромунским диалектом засвидетельствованы промежуточные формы *feata*, *measa* (Бурсье 1952, 473). Отсутствие ротацизма в интервокальной позиции у рум. *bală*, как в том же *măr* или рум. *soare* < лат. *sōlem* 'солнце', рум. *gură* < лат. *gula(m)* 'горло', делает необходимой реконструкцию сдвоенного $-ll-$ по примеру рум. *cal* < лат. *caballum* 'лошадь', рум. *colari* < лат. *collare* 'ошейник'. И, наконец, наличие этимологического $-v-$ после этого сдвоенного плавного вполне могло стать причиной того, что это слово не разделило спорадического румынского выпадения $-ll-$ перед старым конечным *a*, известного по рум. *stea* < лат. *stella(m)* 'звезда' или рум. *măsea* < лат. *maxilla(m)* 'челюсть'. В результате за *bală* встает в качестве

экслюзивного надежного источника то самое лат. *bēllua(m)* > нар.-лат. *bellva(m)*, которое отразилось и в итал. *belva*.

Отчетливый параллелизм рум. *băla-ur* (*bala-ur*) и *bală* – двух наименований чудовищ в данном языке – укрепляет нас в мысли, что субстратное восточнобалканское слово для «дракона» могло быть фонетически подтянуто под народно-латинское слово для «огромного зверя» и ему обязано как гласным первого слога, так и появлением звука *-a-* в суффиксальной части. В таком случае румынское развитие пришлось бы расценивать как эндогенное и обособленное от возникновения зап.-балк. **bŭlaur(ŭ)-*, хотя по результатам существенно конвергировавшее с этой формой⁸. Можно лишь догадываться, как выглядел субстратный источник румынского *bălaur*: он определенно имел *-u-* в суффиксальной части и, возможно, ввиду легкости аттракции к **bellva(m)* характеризовался *e*-огласовкой корня (при том что о привходящих качествах этого корневого гласного – его открытости или закрытости, краткости или долготы – ничего сказать невозможно). Альтернативой такому решению, фонетически в общем-то не исключенной, могло бы быть заимствование рум. *bălaur* из зап.-балк. **bŭlaur(u)-*, являющегося общим источником албанского и сербохорватского (а также словенского) слов. Эту возможность мы разберем в следующем разделе со стороны семантики.

Что касается алб. *bollë*, то мы не видим смысла объяснять его (вслед за Н.Йоклем и Э.Чабеем) из лат. *bolea* ‘саламандра’. Последнее само – поздний гапакс, глосса, возможно, передающая некое иноязычное (балканское?) заимствование, но вряд ли имеющая какое-либо отношение к *bo(v)a* ‘большая змея’, как думалось тому же Н.Йоклю. По правилам албанской исторической фонетики *bollë* можно возводить либо к праалб. **bēlā* с простым *-l-*, либо к условной праформе типа **bēlCā*, где знак *C* мог бы (о чем уже говорилось) отражать фонему *-n-*, *-v-* или *-s-*. Иными словами, хотя *bollë* не может происходить собственно из лат. *bellua*, для него не исключено раннее состояние, формально идентичное латинской лексеме. Однако интересно, что такой прообраз может быть объяснен из индоевропейского корнеслова самого албанского языка.

Как название крупной рептилии *bollë* естественно попадает в ряд албанских рефлексов основы **bhēl(n)-*, продолженной ступени от **bhel-* ‘увеличиваться, расти’, представленной в алб. *bullafiq* ‘толстый’, *bullungë* ‘опухоль от удара на голове или теле животного или человека’, *bullminë* ‘толстая, некрасивая женщина’, *bullushtër* ‘репейник’, *bolloboçkë* ‘большой предмет’, *bullarë* ‘толстуха’ (Dialektologjia Shqiptare IV, 360, 366). В последнем случае элемент *-ar*

⁸ Ср. древнейшую фиксацию термина в старорумынской письменности под 1517 г. в виде **Бълаур** (Mihăilă 1974, 74).

закономерно осмысляется из лат. *-arius* как агентивный суффикс, порождающий имя действителя от *boll-/bull-* ‘раздуться’. Как правило, исследователи не уделяют должного внимания формальному тождеству алб. *bollë* ‘большая змея’ и *bollë* ‘testiculi’, родственного лат. *follis* ‘кожаный пузырь’, греч. φαλλός ‘penis’, хотя в словаре А.Леотти (Leotti 1938, 52) эти два албанских слова трактуются как разные значения одной лексемы. Параллель в греческом между φαλλός и φάλλη, φάλινα ‘водяное чудовище’ убеждает в правильности такого объяснения для полисемичного *bollë*.

В свое время Й.Шмидт прозорливо писал о лат. *bellua* ~ алб. *bollë* как о ярком случае албано-италийской изоглоссы (Schmidt 1875, 229, 347), особенно впечатляющей идентичностью огласовки в ступени *v̥rddhi*. Семантически такое сближение оправдано господствующим в латыни отнесением *bel(l)ua* к крупным животным и фантастическим существам, см. рубрику в Thesaurus linguae latinae III, 1860-61 s.v. *bel(l)ua: spectatim de bestiis immanibus vastisque; crocodilus; serpens; draco; monstra varia; lupus; aper; saepe de aquatibus; κῆτος*. В плане фонетическом единственное затруднение связано с деаспирацией анлаута в *bēllua*, которой вторит фонетическая аномальность и другого латинского термина для диких животных - именно формы *bestia*, неоспоримо восходящей к **dhwestia*, ср. гот. *dius* ‘зверь’, др.-в.-нем. *tior* то же, далее лит. *dvasià* ‘дух, душа’ и т.д. Этимологи обычно усматривают между утратой аспирации в *bestia* и в *bēllua* некую связь. Но если рассматривать эти основы как однокоренные, возводя *bēllua* к **dhwes-lu-* (Walde-Hofmann 1938, 100, 102), они обе в такой мутации оказываются необъяснимы. Между тем, при толковании *bēllua* из **bhēl(n)-* изменение анлаута (вероятно, позднее по аттракции передавшееся форме *bestia*) могло бы объясняться воздействием очень близкого по смыслу **bel-* ‘мощный, большой’, др.-инд. *bala* ‘сила’, греч. βέλ-τερος ‘наилучший’, слав. **bolъjъ*, лат. *de-bilis* (Pokorny I, 91). Достаточно указать на возникающую в самой латыни перекличку между *debilis* < *de-belis* ‘бес-сильный’ и *bēl(l)ua* ‘сильный, большой зверь’. С поправкой на эти нерегулярные, но объяснимые в своем механизме латинские процессы можно впрямь думать о цельнолексемном тождестве лат. *bēllua* (< **bhēl-nuā*) > рум. *bală* и той формы **bhēl-nā-* или **bhēl-nuā*, что способна стоять за алб. *bollë*. При этом как в восточнороманском, так и в албанском ареалах в поле притяжения данных основ вовлекается палеобалканский реликт, представленный рум. *bălaur* и алб. *bullar*.

Мы уже упоминали, что И.Руссу усматривал в этом реликте тот же самый корень **bhel(n)-* с семантикой ‘роста, разбухания’, ссылаясь

на продуцируемые от него во многих индоевропейских языках зоонимы с тератологическим оттенком: др.-исл. *bolmr* 'медведь', *boli* 'бык', др.-англ. *bula*, *bulluc*, нем. *Bulle* то же, ср.-в.-нем. *bullich*, *bolch* 'большая рыба', также упоминавшееся *φάλλη*, *φάλαινα* (Russu 1970, 133-134; Pokorný I, 120 f.). Объяснение Руссу, при обычных недостатках корнеискательских толкований, имеет очень привлекательные свойства: в его пользу могла бы говорить та легкость, с которой *bullar* встроился в ряд албанских образований от *boll-/bull-*, так и спорадическое развитие близких коннотаций у *bälaur*, например, в мегленорум. *pruna bälaură* 'крупная слива' (Capidan 1935, 32).

Чтобы оценить особенность аккомодации данных лексем в румынском и албанском, мы обратили бы внимание на многообразные, свободно создаваемые по сербохорватским диалектам народно-этимологические переделки темного слова *blävör*, вар. *mulävär*, присоединяющие характерное оформление на *-aur*, *-ur*, *-avur* к прозрачным по смыслу паронимическим корням: *glävör* при *gläva* 'голова' (встречается уже в XVIIв.), *manjaur*, *manjur* т.е. 'пожиратель' от итал. *mangiare* 'есть', *mrävör* 'муравьед' от *mräv* 'муравей' и даже *zmäjur* от *zmäj* 'змея' (Skok 1971, 169 s.). Можно убедиться в том, что каждый из балканских языков идет своим путем, но в одном направлении, стремясь вовлечь инородное слово в сетку внутрисловарных парадигматических отношений. Румынский довольствуется тем, что фонетически подверстывает слово под одну исконно-романскую форму, так что после переделки из форм *bäla-ur*, *bala-ur* как бы «выпирает» *bală*. Сербохорватский широко и произвольно по созвучию перетолковывает корень термина, сохраняя, однако, во всех переосмыслениях странное суффиксальное наращение как маркер его экзотичной чужеродности. Наконец, албанский продвинулся дальше всего в освоении слова, втянув его в словообразовательную парадигму от подходящей по смыслу (а как мы увидим далее генетически, на индоевропейском уровне и впрямь той же самой) основы, но и суффиксу, в конце концов, придав звучание, которым *bullar*'у вменяется вполне приемлемое толкование как эпитета-квантитатива 'толстяк', 'крупняк', мужского аналога *bullarë* 'толстуха'. Лишь соответствия по другим современным языкам Балкан, удостоверяя фонетическую вторичность суффикса в таком его виде, говорят о гетерогенности слова также и в албанском, - но гетерогенности сугубо исторической, диахронной, как бы даже снимаемой (абсорбированной) на современном срезе истории языка⁹.

⁹ Что касается лат. *bo(v)a* (из-за которого Йокль отчаянно запутал этимологию алб. *bollë*) стоит вспомнить, что оно значит не только 'большая змея, питон', но и 'набухание прыщей' (Plin. 24, 53: *boa appellatus morbus papularum*), а заодно и 'распухание ног, натруженных ходьбой' (Fest 27, 27 sqq.: *scutum ... tumor viae labore collectus bova appellatus*). С учетом этих фактов мы могли бы предположить в

3. К мифологии румынского балаура: внутренняя реконструкция образа.

На этом, собственно, исчерпываются те возможности формальной реконструкции, которые предоставляются нам показаниями новобалканских языков. Теперь наступает время перейти к анализу плана содержания, обсудить соотношение западнобалканского зоонимического узуса с восточнобалканским, мифологическим по преимуществу. Соотношение смыслов 'дракон, чудовище' и 'рептилия, особенно крупная' – банально. Но не надо недоучитывать того обстоятельства, что «исконность», генетическая «базисность» какого-либо из этих смыслов открывает разные направления этимологического поиска.

Если первично обозначение вида животных, мы остаемся в пределах ряда, очерченного И.Руссу, причем этимология оказывается сугубо корневой, так как точных цельнолексемных соответствий к алб. *bullar*, с.-хорв. *blävōr* мы в этом ряду не найдем. Таким положением дел этимолог и вынужден был бы довольствоваться, если бы в его распоряжении были только данные по районам, выходящим на Адриатику. Здесь *bullar*, *blävōr*, *mulāvār* и т.п. сохраняют свою зоологическую внутреннюю форму всегда, даже вовлекаясь в сферу фольклорного творчества, когда сербы рассказывают о волшебном змее-блаворе, живущем в Скадарском озере на границе с Албанией (Кулишић 1970, 147), хорваты из Нового (Винодол) – о некоем ужасном *мулаваре* (Rječnik VII, 147), словенцы – о *блаворе* - змеё в алмазной короне (Bezljaj 1976, 25). В начале XX в. ряд лексикографов склонен был трактовать с.-хорв. *mulāvār* как имя мифической твари, делая исключение лишь для некоторых регионов, таких как о-в Дуги Оток, где *mulāvār* явно равен *blävōr* (Rječnik, *ibid.*; Hirtz 1928, 91). Ф.Безлай для своего родного словенского языка дает вообще лишь фольклорные смыслы 'змея в короне', 'змеиная болезнь'. Важно, что эти производные значения опираются на образы реальных местных рептилий. В том же роде албанцы повествуют об огромном слепом Буларе, каковой прозревает лишь раз в год, в день Св. Георгия, пожирая в этот день все живое на своем пути (Frasheri 1936, 36 f.; Lambertz 1970, 467; Цивьян 1979, 203).

этой лексеме адстратное заимствование, продолжающее и.-е. **bhu-* 'расти, пухнуть', 'выдаваться': греч. *φῶμα* 'нарост, нарыв' и т.д. (ср. название острова *Boa*, итал. *Bua* у побережья Далмации). Будучи иного происхождения, чем алб. *bollë* < **bhel-* 'набухать', лат. *bo(v)a* 'питон', 'опухоль' может иметь сходную с ним внутреннюю форму.

Последний мотив особенно нагляден в смысле его природной мотивированности. Дело в том, что желтопузик *Ophisaurus arus* состоит в ближайшем классификационном родстве с ящерицей-медяницей *Anguis fragilis*, которая в народе у сербов зовется *слèнић* (РСА 13, 268), а по-русски *слепень* (Даль IV, 229), ср. также по другим славянским языкам: укр. диал. *сл'іп'ак* 'уж' (При- и Закарпатье – Архив КДА), блр. *слéпень* 'род змеи, действующей как бы по обонянию' (Носович 593), наконец, болг. *слепок*, *слепок* 'змея, *Anguis fragilis*; слепой смок, медяница' (Геров 5, 199), диал. *слепок* 'змея, которая видела только в пятницу и в субботу, *Anguis fragilis*' (Българска диалектология V, 238) – мотив, теснейшим образом смыкающийся с албанским преданием о Буларе. Как *Ophisaurus arus*, так и *Anguis fragilis* входят в одно семейство крупных змеевидных безногих ящериц – панцырных веретениц *Anguinae* (Жизнь животных 1969, 302). Интересно, что иногда *blävör* прямо причисляется к *слèнић*'ам (Орса *enziklopedija* 1977, 563), а в то же время в аромунских селах на территории Албании Г.Брынкуш отметил слово *bullar(u)* применительно к 'рыжим змеям с закрытыми глазами, которые не видят' (Вгінсуз 1967, 493-494), то есть, по-видимому, к тем же медяницам-веретеницам. Во всем этом регионе фольклорные спекуляции отталкиваются от реалий, от облика конкретных тварей, и лингвисту тут не продвинуться глубже соображения о возможной смысловой контаминации корней **bhel-* 'вздуваться' и **bhel-* 'быть желтым, рыжим', поскольку разбираемые слова относятся к змеям с желтой или рыжей кожей. Здесь уместно вспомнить об упоминаемой Э.Чабеем алб. диал. *blaurojë* 'большая змея желтого цвета', расцениваемой им как албанская исконная форма, наиболее близкая к румынской и сербохорватской (Çabej 1976, 283-285), но, на самом деле, представляющая заимствование из с.-хорв. *blävör* 'полоз-желтопузик' с албанским суффиксальным оформлением.

Совсем иная картина в Румынии. Здесь зоонимическое употребление слова *bălaur* мы находим как раритет, может быть даже и архаичный, прежде всего на юго-западной и северо-восточной окраинах румынского языкового пространства: ср. *bălaur* в смысле 'крупная неядовитая змея' в уезде Мехединц на границе с Сербией и Болгарией (Cohuț-Vulpe 1973, 320), а также локальное применение этого слова к некой 'очень крупной желтой змее' или 'очень большой змее с желтой головой' и особенно представление о Бессарабии в древности как о *țara bălaurilor* «земле балауров, то есть больших и опасных змей» (Hasdeu 1976, 437 ș.u.). Но при этом по всей Румынии распространены такие мифологические представления о балауре, которые, не обрывая связи этого образа со змеями – универсальным живым символом хтонической сферы – вместе с тем наводят на мысль

об иной внутренней форме данного словопонятия, за которой может вставать и другая индоевропейская ретроспектива.

Конечно, балаур стереотипных волшебных сказок – это обычный для европейского фольклора многоглавый и крылатый дракон, с зеленой или золотой чешуей (отсюда и традиционная народно-поэтическая рифмовка *aur - bălaur*¹⁰), неизменный противник сказочного героя (витязя или Фэт-Фрумаса). Он летает по воздуху, но обитает, как правило, в воде, на дне озер и источников, реже – в лесах и на горах (Muşlea 1932, 223). Он запирает источники и за доступ к ним требует человеческих жертв (Candrea-Adămescu 1931, 115; DLR I/1, 450 s.; Bîrlea 1976, 26; Muşlea-Bîrlea 1970, 185; Şăineanu 1979, 530; Vulcănescu 1985, 525; Sbiera 1971, 404 s.; Ispirescu 1969, 168). Однако, наряду с этими традиционными мотивами, в локальных преданиях и поверьях о балауре проглядывают некоторые реликтовые особенности, дающие ключ к более глубокой внутренней реконструкции этой мифической фигуры. Рассказы о его происхождении делают особый упор на его связь не только со змеями, но с камнями и глубинами земли. В балаура превращается та сильная и ловкая змея, которой якобы удастся проглотить камень, обычно драгоценный и полный волшебной силы, образующийся из пены (*bale*), каковую змеи выделяют на своих фантастических весенних состязаниях и играх (отсюда народное понимание *balaur* как ‘выделяющий слюну’ (Şăineanu 1979, 530, п. 27). Змеи дуют на эту слюну, пока на ее поверхности не возникнет камень (этот акт зовется *a fierbe piatră* ‘варить камень’); принявшая его во чрево змея увеличивается в размерах и, обретя крылья, улетает по воздуху за тучи (Bîrlea 1976, 23; Muşlea-Bîrlea 1970, 186; Şăineanu 1979, 531; Sbiera 1971, 404 s.; DLR I/1, 450)¹¹. В небесах балаур повелевает облаками и молниями, переносит град и ливни (Bîrlea 1976, 24 s.; Sbiera 1971, 401). Он несется впереди

---

¹⁰ Ср. в румынских балладах, приведенных Б.П.Хашдеу (Hasdeu 1976, 438):

Şi un şerpe mare balaur
Maică, cu capul de aur ...

Şearpe balaur
Cu coadă de aur ...

Al unui spurcat balaur
Şearpe cu coade de aur
Ochii-n cap ca de taur ...

¹¹ Ср. обратные действия в эпизоде албанской сказки “Guri i gjarpnit” («Камень змеи»), где змея в благодарность за свое спасение из огня вынимает из-под языка камень и дает его спасителю с обещанием, что этот камень принесет ему силу и богатство (Folklor Shqiptar 1966, 216).

грозовых туч, ворочая и гремя булыжниками и таким образом производит гром (Muşlea-Bîrlea 1970, 186).

По другой версии, балауром становится змея, пробывшая в укрытии 7, 9 или 15 лет, если ее не видел ни зверь, ни человек, не достигал свет солнца, и сама она никого не видела (Muşlea-Bîrlea 1970, 186; Vulcănescu 1985, 525). Этот мотив нам явно напоминает историю весь год дожидającego своего дня албанского слепого Булара. Две версии происхождения балаура могут соединяться вместе: проглотив камень, змея на 7 или более положенных лет уходит под землю, после чего, обернувшись балауром, начинает светиться словно солнце (Bîrlea 1976, 23).

В то же время румынский материал о балауре дает повод серьезно сомневаться в константной змеиной природе его древнебалканского прообраза. Балаур местных поверий полиморфен: то он полужмей-получеловек, то человек с головой крокодила, то сильный человек в одежде нищего или крестьянина (Bîrlea 1976, 23; Muşlea-Bîrlea 1970, 187). В последнем случае он несет за спиной било и два связанных веревкой камня – орудия громовника (Muşlea-Bîrlea 1970, *ibid.*; относительно функции двух камней при высекании молнии см.: Иванов-Топоров 1974, 150, 339). Камни – его атрибут, но вместе с тем и выражение его природы, его происхождения. Из озера, где он живет, его можно вызвать, бросив туда камень (Bîrlea 1976, 24).

Но балаур не только представляется человеком, он способен и мыслиться человеком с трансформированной природой, сходным с оборотнями из балканских легенд. В некоторых областях о нем повествуют как о человеке, коему предназначено жить в облике змеи, и если за 7 лет (время пребывания в укрытии?) он не достигнет мощи балаура, то может вернуться к обычной человеческой жизни (Bîrlea 1976, 23). В свете сказанного любопытно отношение балаура к другому, позднему персонажу румынского фольклора – *zmeu*, славянскому по происхождению. В румынской традиции, как и в исходной южнославянской, *zmeu* может наделяться антропоморфным обликом и такими атрибутами, как дом, семья, человеческая речь¹². В таком случае балаур иногда оказывается промежуточной, несовершенной стадией на пути трансформации обычной змеи в *zmeu*. У змеи, никем не виденной на протяжении 7 лет, отпадает хвост, вырастают ноги, она высасывает молоко у целой коровы и становится балауром, а еще через 7 лет до конца превращается в «очеловеченного» *zmeu* (Bîrlea 1976, 26).

Представление о квазичеловеческой натуре балаура выражается также устойчивым присутствием рядом с ним весьма оригинального

---

¹² См.: Şăineanu 1979, 530, 532; Sbiera 1971, 402-403; Bîrlea 1976, 458; ср.: Маринов 1984; обширный материал о болг. *змеи* с богатой литературой собран в: Георгиева 1983, 80-81, 84; о серб. *змајеве-људе* в Восточной Сербии см.: Кулишић 1970, 142-143.

персонажа, прозываемого *şolomonar* 'волшебник, колдун'. Это хозяин и наставник балаура, сопровождающий его в полете на грозовую тучу. Человек невероятной физической силы, он по множеству признаков дублирует самого балаура: как и тот, бродит нищим в рваной и грязной одежде, носит било с двумя камнями и узду из лыка, которую накидывает на балаура, заставляя того смиряться, сидит по 7 лет под землей, обитает в лесах и пещерах, ест человеческое мясо (Bîrlea 1976, 25). Все утверждает в мысли, что это не столько усмиритель чудища, сколько человеческая ипостась самого балаура, его двойник: и если балаур из змеи создается перевариванием камня во чреве, то против шоломонара особую силу имеют каменщики (Bîrlea 1976, *ibid.*)¹³.

Наконец, нельзя обойти то явление, что несмотря на преимущественно водную стихию обитания балауров, этот термин в топонимике, как правило, обнаруживается в названиях холмов и возвышений: таковы холм *Bălaur* в Тутове и Бузэу, *Măgură Balaurului* 'Балаурова гора' в Телеормане, *Muchia Balaurului* 'Балауров холм', он же *Bălaurul mic* 'Маленький Балаур' или *Balaurului* 'Балаурчик' в Бечень, *Drumul Balaurului* 'Балаурова дорога' в горах Мехединц (Hasdeu 1976, 446; Jordan 1952, 205; 1963, 245; Vulcănescu 1985, 446)¹⁴.

¹³ Очень примечателен мотив подземной «школы шоломонаров» - шоломанчи или шоломонарии, использованный в романе Б.Стокера «Дракула» (гл. 18, 23). Предполагается (Florescu – McNally 1973), что этот мотив позаимствован Стокером из книги Э.Джерард «Страна за лесами» о трансильванских обычаях и легендах (Gerard 1888, 198) и дополнен комментариями упоминаемого романа эрудита А.Вамбери. В шоломанче, согласно Э.Джерард, дьявол раскрывает десяти ученикам все тайны и знания мира, не позволяя уйти, пока ученик их не переписет в особую книгу. Окончив курс, девять человек уходят, а десятого, лучшего дьявол оставляет себе, чтобы тот, воссев на дракона, стал слугой и помощником учителя. Представший у Стокера (гл. 2) в окружении «книг по истории, географии, политике, политической экономии, ботанике, геологии, юриспруденции», говорящий на множестве языков, в том числе на языках зверей, Дракула знаменитого романа – не просто вурдалак, но выученик подземной шоломанчи (скорее всего, лучший, десятый ученик). Тем показательнее сцена в гл. 3, когда он ползает по стене своего замка «вниз головой как ящерица» (настойчиво муссируемое в романе сравнение), а одежда развеивается вокруг него точно большие крылья, придавая персонажу с именем, собственно означаящим «Драконий Сын», черты крылатого дракона-балаура. В подтексте стокеровского романа сквозь верования о вампирах проступает двуединный образ Дракулы как балаура-шоломонара, поразительно перекликающийся с песнями сербов о шестиглавом змее Секуле Дракуловиче. Источники на этот счет см. в упомянутом замечательном исследовании Р.Флореску и Р.Мак-Нелли. Также ср.: Цымбурский В.Л. Послесловие к: *Стокер Б. Дракула*. М., 1990, 347-350.

¹⁴ На замечание в том смысле, что «драконьи» названия бытуют и в иных ареалах, мы можем указать, что, например, в греческой топонимике названиями *Δράκων*, *Draco*, прежде всего обозначаются извилистые реки: такова река в Вифинии, на коротком отрезке которой путникам приходилось переходить более 20 переправ (Proc. de aed. V. 2) или река в Колхиде, с названием, видимо, навеянным мифом о золотом руне (Tomaschek – RE V, 1646). Известная в Лидии гора *Δράκων* между лидийским Олимпом и Тмоллом (Plin. V, 118), видимо, была обязана своим

Обилие таких случаев на территории Румынии позволяет говорить о существовании здесь устойчивой мифотворческой модели восприятия гор и холмов как застывших балауров, а самих балауров мифического времени как прообразов сегодняшних элементов ландшафта – возвышенностей и окаменелостей.

Сколь бы маргинальны ни были все эти мотивы на современном срезе традиции, перенасыщенной сказочными клише, они хорошо складываются в конфигурацию, отсылающую к более древней стадии мифологии балаура. Возникает впечатление, что для этой стадии должны быть актуальны такие идеи, как формирование балаура под землей, продолжительная его слепота до срока вместе с невидимостью, сокрытостью от людей и солнца на протяжении всего периода перерождения и роста, восприятие его в образе чудища с камнем в утробе, как бы впитавшего природу камня и по смерти превращающегося в камни и горы, наконец, присущая ему власть над громами, молниями и тучами. Глубокий архаизм всего этого комплекса, маркированного термином *bǎlaur* (*balaur*) делает практически невероятным заимствование рум. *bǎlaur* из зап.-балк. **bǔlaur(ũ)*- ‘*Ophisaurus apus*’ resp. ‘*Anguis fragilis*’. Это дополнительно подкрепляет нашу мысль об автономном развитии словоформ с исходом на *-aur* в восточной и западной частях Балкан.

4. Близнецы балаура: от Коринфа до Ирландии.

Итак, мы достигли пункта, когда, уже следует выйти за рамки современных Северных Балкан, расширив временное и пространственное поле компаративного исследования.

Сопоставление К.Оштира подкрепило догадки тех филологов и антиковедов, которые постулировали для мифа о Беллерофонте, вопреки Л.Мальтену, догреческие, балканские корни. В частности, ими усматривалось отражение имени Беллера в названии местности вблизи Коринфа Πελλερῖτις, трактуемом как изначальное *βελλερῖτις, но переосмысленном по созвучию с πέλλα ‘скала’ – факт, который мог бы обнаруживать связь древнего Беллера с горами и скалами (Kretschmer 1936, 235; 1948, 92 f.; Will 1955, 149 f., 155 f., 163).

названием своей необычной форме (Büchner – RE, *ibid.*). Кроме того, подобные топонимы вовсе не встречались в материковой Греции, но все были привязаны к отдаленной периферии греческого мира (сюда не относятся названия прибрежных наблюдательных пунктов в разных местах: Δράκωνον, Δρέκωνον, скорее всего связанные происхождением с греч. δέρκομαι ‘смотреть’, δράκος ‘глаз’). На этом фоне ситуация с «балауровыми» названиями в румынских областях выглядит резко своеобразной, объясняясь уходящими в субстрат культурными традициями края.

И тем не менее, осмысление имени Беллерофонта как "Убийцы Дракона, или Змея", выдвигавшееся с опорой на румыно-албанские параллели, должно быть радикально скорректировано из-за двух обстоятельств, значение которых было показано в статье одного из авторов (Цымбурский 1987). Первое обстоятельство - это поразительные сообщения Гесихия и Евстафия, относящие наименование Βέλλερος не только к противнику и жертве Беллерофонта, но и к самому этому разящему небесному наезднику: Βέλλερος· ὑπὸ Βελλεροφόντου κτανθεῖς ἢ ὁ Βελλεροφόντης (Hes.) 'Беллер - убитый Беллерофонтом или Беллерофонт', далее Eusth. II. 632,6 о Беллерофонте: ἐν δὲ ῥητορικῷ λεξικῷ εἴρηται καὶ Βέλλερος λεγόμενος 'как сказано в риторическом лексиконе, прозываемый также и Беллером' (ценность последнего свидетельства зависит от того, понимает ли Евстафий под «риторическим лексиконом» труд Гесихия или некий иной, дополнительный источник.) В любом случае сообщения о двух Беллерах - убивающем и сражаемом - заставляют воздержаться от приписывания стоящему за этим именем догреческому апеллативу значения 'змея, дракон', уместного лишь применительно к антагонисту героя. Скорее приведенные показания побуждают видеть в *βέλλερος признак-атрибут, общий для обеих борющихся сторон. Они напоминают о более редкой форме имени Βελλεροφῶν (Theog. XV, 92; Herodian I, 9): как известно элемент -φῶν, -φῶων, -φάων, -φανής от φάω 'являться, светить' в составе имен передает особую связь их носителей с лицом, предметом или понятием, указываемым другой частью композита. Поэтому Βελλεροφῶν могло значить только 'Славный-Беллером', 'Отличившийся-Беллером' по типу Δημοφῶν, Μητροφῶν, Ἀριστοφῶν и т.д. (Fick-Bechtel 1894, 284). Подобный смысловой сдвиг, «остраняющий» структуру основного варианта имени Βελλερο-φόντης, подсказывает, что и этот композит сам по себе мог бы толковаться не только как 'Разящий-Беллера', но и в смысле 'Разящий-Беллером' и даже 'Беллер-Разящий', ср. Τοξοφόνη, Αὐτόφονος (Fick-Bechtel 1894, 413).

Вторым из двух упомянутых обстоятельств является донесенная Аполлодором (II, 3, 1) и, по тонкой оценке Э.Бете (RE Bd 3, 243), весьма древняя версия коринфских деяний Беллерофонта, из которой имя Беллера вовсе исключено, но вместо этого речь идет об убийстве героем родного брата. Среди перебираемых мифографом имен и прозваний погибшего выделяется Πεῖρην: сраженный противник оказывается эпонимом источника Πεῖρήνη, дор. Πεῖράνα на самой вершине истмийской горы Акрокоринф, где Беллерофонт будто бы

изловил на водопое Пегаса (Strab. VIII, 6, 20). Название же Пейрены, как горного потока, имеет хорошую этимологию, входя в известный общеиндоевропейский ряд обозначений 'горы, камня, почитаемого на горах грозового конного бога': др.-инд. *parvata* 'гора' < *perw̥nto-*, хет. *pirwa*, вар. *perwa* то же, сюда же ^dPirwa – имя бога, прославляемого на скалах (Imparati 1977), слав. теоним *Perunъ*, топоним *Peryнь*, фрак. топонимы Φόρουνα (совр. Перин) в Родопах < **Peruna*, Πέρινθος в Пропонтиде < **Perunto-*, далее название горного, особенно дубового леса **perk^wus*: лат. *quercus* и т.д. (Гиндин 1978, 1981).

Функциональный параллелизм версий с убийством Беллера и Пейрена, когда первый оказывается тезкой-двойником героя, а второй – его братом, побуждает отметить для имени Беллера на Северных Балканах серию ономастических, в том числе топонимических параллелей давно уже связанных (но без учета этого мифонима) с другой группой индоевропейских слов для 'гор, холмов' (Tomaschek 1980, 59, 61; Detschew 1976, 74). В эту серию входят: фрак. Βέλλουρος - поселение в Родопах (Proc. ae. IV, 11, 7), Βολερόν - византийское название фемы на западе Фракии, между Македонией и Стримоном (Κυριακίδου 1939), сюда же личное имя на о.Фасос Βελλύρης (восстанавливаемое по генитиву в IG XII, B, 279 Ἡγησίανναξ Βελλύρεω¹⁵), далее уже упоминавшиеся топонимы Βόλουρος в Иллирии и Эпире (St. Byz. s.v.)¹⁶. Эти факты В.Томашек и Д.Дечев сопоставили с арм. *bolur*, *bolor*, *blor* 'округлость, холм', также с др.-ирл. *bali* < **bholen-* 'возвышенность на побережье или на равнине', ср. еще кимр. *bal* 'возвышение, горная вершина' (Pokorny I, 120). Все эти слова являются производными от все того же и.-е. **bhel-* 'расти, вздуться', относясь к неровностям, выступам на земной поверхности. В эту же группу, вопреки попытке соотнесения у Покорного (ibid.) с **bhel-* 'блестеть', можно зачислить и греч. φελλεύς 'каменистая местность', специально Φελλεύς область в Аттике, φελλίς γῆ 'каменистая земля'

¹⁵ Это единственный случай для всей рассматриваемой серии форм, когда греческая передача может опосредованно указывать на местное фракийское звучание **Belluras*. Но даже если другие передачи с тематическим гласным *-o-* являются плодами эллинизации, вполне возможно, что именно подобные формы и бытовали в античной эллинизированной Фракии и от них отталкивались все дальнейшие преобразования в восточнобалканской латыни.

¹⁶ С нашей точки зрения не исключено отнесение к тому же кругу и имени некоего Гонория Беллерида (Βελλερίδης), который в V в. н.э. был мажордомом готского вождя Саруса (Phot. Bibl. 80.58b.19-34). Странное сочетание латинского личного имени с оформленным по-гречески, но имеющим негреческий корень когноменом или прозвищем (буквально 'потомок Беллера'), а также участие их носителя в германских делах не позволяют исключить для него происхождение откуда-то с Северных Балкан, может быть из фрако-иллирийского пограничья.

(Pol.), φελλός то же (Hes.), а также φελλός ‘пробковый дуб, *Quercus suber*’, φελλόδρυς ‘каменный дуб, *Quercus ilex*’ и, наконец, очень важную глоссу φέλλερα: πετρώδη καὶ αἰγίβωτα χωρία ‘каменистые места, где пасутся козы’ (Anecdota 1814, 315). Последняя глосса структурно смыкается не только с арм. *bolur*, но и с перечисленными северобалканскими названиями, а формально оказывается полностью тождественна догреч. *βέλλερος. Все рассмотренные древнебалканские формы обнаруживают тенденцию геминировать инлаутное -λλ- (в чем можно видеть след первоначального сочетания *-ln-), а также проявляют, как и армянский, склонность к суффиксальным исходам на *-ero- /*-uro-. Потому есть все основания вернуться к гипотезе Ю.Покорного (Pokorny I, 121), высказанной в связи с др.-в.-нем. *bilorn* ‘десна’ < *bhelnno- ‘вздутие’, о гетероклитическом чередовании *bhélr- : *bhelnó-, осложненном также варьированием расширений *bhel-nó- : *bhel-nú-* ср. греч. φελλός : φελλεύς. Тогда цепочки расширений (*bhel*)-*n-ero* : (*bhel*)-*n-uro* отражают контаминацию элементов старой гетероклизы, как в том же *bilorn* или в лат. *it-er* : *it-in-er-is*, *jocur* : *joc-in-er-is* и под.

Теперь за сюжетными вариантами с убийствами Пейрена и Беллера нам открывается параллелизм имен Πειρήν : Βέλλερος как двух вариантов именованья персонифицированного ‘Камня’, ‘Горной Вершины’. В отличие от корневой зоонимической этимологии И.Руссу, предлагаемое осмысление догреч. Βέλλερος, рум. *bălaur* и пр., включает эти слова в ряд цельнолексемных балканских соответствий с продолжениями и в армянском. Указания Гесихия и Евстафия на амбивалентность имени Βέλλερος, способного служить эпиклезой обоим протагонистов в мифологическом поединке, могло бы разъясняться в свете фундаментальной схемы, проходящей через змеборческие мифы индоевропейских народов, где грозное божество камнем сокрушает противника, возлежащего на камнях (горах) или прячущегося под камнями, так что камень, скрывающий антагониста, раскалывается камнем громовника (Иванов-Топоров 1974, 76 сл., 85-89, 98-100)¹⁷.

¹⁷ Поэтому представляет определенный интерес эвгемеристическое повествование Плутарха (Plut. Mor. 248 с) о борьбе Беллерофонта с другим врагом – Химерой, где можно проследить весьма архаичные мотивы: а именно, будто Химера была гора, обращенная к восходу солнца и летом от нее отражались солнечные лучи, приводя к возгоранию на равнине и гибели урожая, а Беллерофонт, сообразив, в чем дело, *разрубил гладкую поверхность скалы* и исключил возможность преломления лучей (Οἱ δ' ὄλωσ τὴν λεγομένην Χίμαιραν ὄρος ἀντήλιον γεγόνει φασι καὶ ποιεῖν ἀνακλάσεις ἐν τῷ θέρει χαλεπὰς καὶ πυρώδεις ὑφ' ὧν ἀνὰ τὸ πεδίον σκεδαννυμένων μαραίνεσθαι τοὺς καρπούς. τὸν δε Βελλεροφόντην

Надо признать, что румынские поверья о возникновении балауров в результате проглатывания змеями чудесных камней и о многолетнем «созревании» балаура в подземном укрытии прямо перекликаются с предложенной интерпретацией догреческого Беллера. «Балауровы» горы, холмы, горные дороги в топонимике Румынии способны продолжать ту же древнюю модель номинации, которая засвидетельствована фракийскими названиями Βέλλουρος, Βολερόν (может быть, и иллир.-эпирот. Βόλουρος). Аналогичным образом и фракийское личное имя Βελλυρης могло бы расцениваться как отдаленный предшественник румынского средневекового имени **Бълаур**.

Тем интереснее, что отголоски этого же северобалканского мифологического комплекса мы обнаруживаем в кельтской Западной Европе – в образе чудовищного Балора (*Balor*, реже *Balur*, *Bolor* – род. падеж *Baloir*, дат. падеж *Bolur*) из ирландской саги о Второй Битве при Маг-Туиред, ведущего морских и островных демонов-фоморов на бой с языческими кельтскими божествами, племенами Богини Дану (Stokes 1891, 52-130, русский перевод – ПБК 1985, 351-380). Рассказы о единственном глазе Балора, напоенном ядом и постоянно закрытом, раскрывающемся только в день битвы, чтобы всех убить своим взглядом, внушали некоторым кельтологам мысль о нем как о соляном боге (< **bhel-* ‘сиять, сверкать’), вплоть даже до причудливого соотнесения со скандинавским «светлым богом» Бальдром (Топорова 1994, 21 сл.). Впрочем это толкование принимается не всеми: иногда предлагаются и другие этимологические решения, вроде осмысления Балора как «смертоносного» < **g^wel-* ‘метать, убивать’, ‘гибнуть’, греч. βάλλω ‘кидать’, ирл. *at-bail(l)* ‘умирает’, ср.-корн. *bal* ‘чума’, ср.-валл. *ball* ‘чума, смерть’, др.-прусск. *Giltine* - имя богини смерти (Калыгин 1996, 103- 109). При этом как-то не обращалось внимания на то, что закрытый почти всю жизнь глаз

συμφρονήσαντα διακόψαι τοῦ κρημοῦ τὸ λειότατον καὶ μάλιστα τὰς ἀνακλάσεις [Mss. ἀνακάσεις] ἀνταποστέλλον). В упоминавшейся работе одного из авторов (Цымбурский 1987, 135) специально обсуждалось наличие местностей с парными греческими названиями Φελλός : Ἀντίφελλος букв. ‘Камень ~ Противо-Камень’ в эллинизированной южноликийской области, оваянной преданиями о борьбе Беллерофонта с Химерой, ср. Strab. XIV, 3, 5: περὶ ταῦτα μυθεύεται τὰ ὄρη τὰ περὶ τῆς Χίμαιρας ... ἢ Χίμαιρα φάραγς τις ἀπὸ τοῦ αἰγιαλοῦ ἀνατείνουσα ‘к этим горам относится миф о Химере ... Химера – некое ущелье, тянущееся от побережья’; и ниже Strab. XIV, 3,7: χωρία Φελλός καὶ Ἀντίφελλος καὶ Χίμαιρα ἧς ἐμνήσθεμεν ἐπάνω ‘местности Фелл и Антифелл и Химера, о которой мы упоминали выше’. Подобная маркировка ландшафта, отмеченного мифом о поединке, мотивами ‘Камня’ и ‘Противо-Камня’ побуждает вспомнить слова Гесихия о двух противостоящих Беллерах, а в более давней перспективе, может быть, и те два камня, из которых выбивает молнии румынский балаур.

Балора, несущий смерть в день своего открытия, представляет точную параллель к албанской сказке о прозревающем раз в год, чтобы пожирать все живое, слепом Буларе, а далее – и к поверьям о румынских балаурах, каковые не видя мира и незримые для него, дожидаются срока своего грозного выхода на свет.

Это сближение также поддерживается функциями камня и каменных насыпей в истории Балора. В сказании о битве при Маг-Туиред внук Балора по дочери, светозарный бог Луг, владыка ремесел, поражает деда ударом камня в страшный глаз, В более поздних версиях саги отсеченную голову Балора возлагают на каменный столб, который тут же распадается на осколки (Rees, Rees 1961, 37)¹⁸

Т.О'Рахилли (O'Rahilli 1946, 59 f.) отмечал привязку имени этого демона к скалам, мысам, курганам, приводя реминисценцию полного имени Балора – *Balor ua Neit* 'Балор, внук Нета' в ирландском топониме *Carn ui Neit* 'Курган внука Нета' и предполагая отражение этого имени в древнекельтском названии мыса на крайнем юго-западе Британии, Βελέριον (Diod. V, 21, 3), Βολέριον (Ptol. II, 3, 2). Можно указать еще местное название *Bolarium* на территории Брабанта (Holder 1, 475). Все эти западноевропейские формы, думается, не следует отрывать от близких балканских названий, скорее всего, также имевших (как подтверждает «балаурическая» оронимика Румынии) мифо-легендарную мотивировку¹⁹.

Совокупность рассмотренных фактов наводит на мысль о «пра-беллеровом» или «пра-балауровом» мифологическом комплексе, существовавшем в III-II тыс. до н.э. на севере Балкан и в прилегающих районах Юго-Восточной Европы. Речь идет о территориях, в ту пору уже хорошо освоенных индоевропейскими, в том числе прафракийскими племенами, - однако примерно совпадающих и с тем более ранним ареалом Старой Европы (в понимании М.Гимбутас) как

---

¹⁸ Надо сказать, что в позднейших сказках о Балоре, рисующих его разбойником с одним глазом на лбу и другим, смертоносным, на затылке, проявляются и другие мотивы змееборческих сюжетов: похищение им у живущего на материке кузнеца Гавиды волшебной коровы, проникновение Маккинли, брата кузнеца, к запертой в башне дочери Балора и зачатие ребенка, каковой, будучи воспитан в доме Гавиды и сам став кузнецом, сообразно с давним пророчеством убивает деда (Rees, Rees 1961, 214). Настаивать на древности этого пучка мотивов трудно, но стягивание его вокруг фигуры Балора само по себе примечательно.

¹⁹ Если во французском фольклоре имя Балора уцелело в варианте *Belor* как прозвание сказочного людоеда (Brekilien 1981, 129), то вымышленные местообозначения от этой же основы охотно используются западной литературой (жанры готического романа и «фэнтези») для наведения древнеевропейского колорита, ср. картину французских Пиренеев в «Удольфских тайнах» А.Радклифф с маячащим в сумерках на скале монументальным крестом «в память некоего графа де *Белиара*, зарезанного на этом самом месте шайкой бандитов» (гл. L), или карту Средиземья в «Сильмариллионе» Дж.Р.Толкиена, где находим затонувший остров *Балор* и обращенное к нему материковое побережье *Белерианд* (курсив наш – И.К., В.Ц.).

специфического доиндоевропейского культурного круга, в свое время представленного неолитическими и энеолитическими культурами Караново, Гумельницы, Юнаците, Винчи VI-IV тыс. до н.э. (Gimbutas 1974). Позже из данного ареала в течение бронзового и в начале железного века этот комплекс был занесен одними группами мигрирующих индоевропейцев на юг Балканского п-ова, на Истм, а другими – в Западную Европу, к берегам Атлантики. При такой реконструкции румынские предания о балаурах выглядят уникальным пережитком туземной мифологической культуры древнего индоевропейского Подунавья с ее мощным доиндоевропейским подпочвенным слоем.

Интересную косвенную поддержку данная трактовка, возможно, получает в материалах Рогозенского клада, открытого в 1985 г. в окрестностях

г. Враца на северо-западе Болгарии (исторически это окраина Верхней Мезии между Дарданией и Дакией, фрако-иллирийское пограничье, сегодня тут сходятся территории Болгарии, Румынии и Сербии). На сосуде №162 из этого клада, представлена весьма своеобразная трактовка мифа о подвигах Беллерофонта (Magazov 1986, с.89-91; Цымбурский 1987, с.157, корректурное примечание).

Помимо традиционного противника - Химеры с ее львиным телом, змеиным хвостом и двумя головами (из которых одна, сохранившаяся, козья) Беллерофонту, восседающему на крылатом Пегасе (к сожалению, от фигуры самого героя уцелела только рука с занесенным мечом), противостоит еще некий неизвестный греческой литературной традиции персонаж. Это лев-грифон со змеиной головой на хвосте и с возвышающейся над серединой спины еще одной, человеческой головой. Роль этой фигуры в композиции двояка. Во-первых, ее разворот совпадает с разворотом тела Химеры, так что возникает впечатление, будто на Беллерофонта идут два врага и из-за спины Химеры выглядывает еще одно чудовище. Во-вторых, относительно оси симметрии, проходящей через тело Химеры с ее головами, обращенными к Беллерофонту и ко льву-грифону, последние образуют симметричную и композиционно неразрывную пару.

Бросается в глаза то, что этот образ второго антагониста Беллерофонта находит прямые аналогии в фольклорной иконографии румынского балаура. Из четырех существ, причудливо сращенных в фигуре с Рогозенского сосуда - хищной птицы, человека, рептилии и льва, - черты трех первых разными способами комбинируются в обликах балаура: крылатой змеи, человека-рептилии, наконец, дракона, несущего на спине свою человеческую ипостась - шоломонара. Нельзя исключить, что Рогозенский образ мог быть навеян северобалканскому художнику осмыслением убитого Беллерофонтом древнего врага - Беллера по аналогии с персонажем местных фракийских преданий, имя которого отразилось в антропониме Βελλορης и в рассмотренных выше

названиях. Но такое творческое решение мы вправе были бы расценивать как возвращение персонажа, утратившего в Греции яркость и определенность, низведенного до некоей сомнительной тени Беллерофонта, на изначальную для него северобалканскую почву, насыщающую его вновь жизненными силами.

Мы хотим завершить этот раздел нашего исследования двумя предупреждениями, касающимися использования индоевропейских змеборческих сюжетов при истолковании «пра-балаурова» комплекса. Во-первых, окказиональная офиоморфность балаура не относится к существу его мифологической функции, которая в большей мере определяется иными перечисленными моментами: принятием камня внутрь, пребыванием во время роста в невидимости и слепоте, повелеванием стихиями, инобытием в виде гор и холмов. Палеобалканский прототип балаура следовало бы реконструировать в виде хтонического каменно-горного чудища-великана, напоминающего известных великанов европейских сказок²⁰. Но особенно разительную близость обнаруживающего к такому порождению анатолийской мифологии, как хетто-хурритский Улликумми, растущий под землей каменный слепой гигант. Сходство образов охватывает чуть ли не весь круг свойств, присущих балауру и рудиментарно сохраняющихся в традиции Западных Балкан (с ее *блатором-буларом*) и кельтской Западной Европы (с ее *Балором*). Второе имя Улликумми - Кункунуцци (с корнем **k^wen-* < и.-е. **gh^wen-* 'убивать') обозначает буквально 'камень', точнее - определенную породу камня, из которого состоит тело великана (по И.Фридриху, "nicht sehr wertvoller Stein" - Friedrich 1953, 116). После рождения этого живого Камня от оплодотворенной Скалы (*Peruna*), его отец, свергнутый правитель богов Кумарби велит унести его в черную землю, чтобы его не увидел Небесный Бог Солнца и иные боги (Güterbock 1951, 152 f., Иванов 1977, 126 сл.). За 15 дней Кункунуцци вырастает до неба (ср. 15 лет, которые иногда требуются для роста балаура), но остается слепым, так как глаза ему закрывает брошенный в его голову камень (Güterbock 1951, 156 сл.; Иванов 1977, 128 сл.). Помимо слепоты растущего балаура и уже разбиравшихся мотивов албанской сказки о Буларе здесь следует вспомнить о закрытом страшном глазе Балора, который затем выбивается брошенным камнем. В невидимости Солнцу Кункунуцци

---

²⁰ В плане бытования подобных образов в культуре Румынии очень показательна новелла М.Элиаде «Великан» ("Un om mare"). Ее герой неожиданно для себя начинает расти, к концу перерождаясь в тридцатиметрового великана с клыками и змеиным языком. Он перестает владеть человеческой речью и понимать ее и переселяется в горы, где бродит, издавая непонятные для людей звуки, среди которых настойчиво повторяется звукокомплекс: "Borx! ... Vorx! ... Borx borbruli! ... Borx borbruli! ...", недоуменно толкуемый рассказчиком как "Vox populi". На самом деле эти выкрики с нагнетанием звуков *b-r-v-r-b-r-b-r-(u)-l* удивительно переключаются с именем фольклорного чудища *Bălaur* (Eliade 1969, 368)

достигает той поры, когда вступает в борьбу за мировое владычество с Богом Грозы. Мы склонны видеть тут не просто типологическую параллель, но прямое родство древнебалканского и переднеазиатского мифологических образов, при этом отсутствие зоологических коннотаций у «растущего камня» Кункунуцци может относиться и к древнему слою «прабалаура» комплекса.

Во-вторых, родство с героем «Песни об Уликумми» не должно мешать тому допущению, что балканский «Пра-балаур» мог мыслиться уроженцами этого ареала вне схематики мифа о поединке. Учитывая то, что вся структура такого мифа базируется на принципиальной оппозиции «верхних» (атмосферных) и «низовых» (хтонических) функций обожествленного космоса, воплощаемых в фигурах грозового бога-героя и его противника, неясно, куда поместить в ней *балаура*, который, обитая то под землей, то в водных глубинах одновременно повелевает дождем и градом, владея билом и камнями - орудиями громовержца. Сознание, выработавшее подобный образ, равно охватывающий верхнюю и нижнюю сферы космоса, видимо, должно было основываться на иных принципах, нежели сознание, представляющее космос в виде пары антагонистических сил. В свете румынских данных допустимо и иное объяснение применения эпиклезы Βέλλεροϋς и к Беллерофонту, и к его жертве: за тождеством эпиклезы может скрываться не просто общность орудия-атрибута тяжущихся сторон, но распределение между Беллерофонтом и его антагонистом (по старой коринфской версии, его родным братом) разных ролей одного и того же персонажа палеобалканских верований, сочетавшего эти функции подобно румынскому балауру²¹. Можно думать о наложении позднейшей, привнесенной змееборческой схемы, поляризующей различные уровни мироздания, на материал значительно более диффузной древнебалканской традиции, влекущем

---

²¹ Напомним по этому поводу размышления таких авторов, как Ф.Кейпер (1986, 106 сл.) - об индийском Вишну, который «представляет единство обеих противоположных частей – верхнего мира и нижнего мира», будучи «некоторым образом небесной птицей Гарудой и змеем подземных вод Шешей»; Вяч.Вс. Иванова и В.Н.Топорова (Иванов-Топоров 1974, 154) - о мыслимости той стадии в генезисе «основного мифа», где Змей является главным героем или одним из двух героев; Т.В.Цивьян (1977, 192) – о вероятном отсутствии первоначально в этом мифе оппозиции добра и зла и нейтрализации на такой стадии различий между Громовержцем и Змеем, способным дублировать Громовержца и обмениваться с ним атрибутами. Румынский материал нам дает непосредственно то состояние мифологической номенклатуры, о которой указанные авторы пишут в порядке отдаленной и во многом умозрительной реконструкции. Заметим, что вообще известные нам аутентичные фрагменты фракийской мифологии (например, традиция о Залмоксисе), равно как и возводимые к Фракии элементы греческой духовной традиции (орфизм, дионисийство и пр.), скорее обнаруживают тягу к символизации космоса не в виде ансамбля контрастирующих и конфликтующих фигур, но посредством целостных образов, отдельные аспекты или ступени эволюции которых представляют разные стороны и планы космической жизни.

за собой расчленение и перекомпоновку этого материала: «Прото-Беллер», гремевший в небесах и властвовавший над источниками на земле, распадается на победоносного Беллерофонта и умерщвляемого Беллера. Примечателен в этом смысле конфликт вышеупомянутого албанского Булара со Св. Георгием: змееборец не убивает, как следовало бы ожидать, Булара, но ограничивает его власть на земле днем, посвященным этому святому (Lambertz 1970, 467; Frasher 1936, 37). День почитания святого конника становится днем полновластия Булара-пожирателя (ср. ситуацию с двумя Беллерами). Зато у кельтов все известные версии истории Балора выдержаны в духе «мифологии поединка» в соответствии с их предельной отдаленностью от эпицентра распространения рассматриваемого комплекса²². Греческий же материал показаниями Гесихия и Евстафия дает нам произвольный намек на то, что «Прото-Беллер» мог некогда обходиться без Беллерофонта, подобно тому как балаур румынских местных поверий неплохо существует и без Фэт-Фрумуса.

5. По Северным Балканам:

путь слов, путь смыслов – с востока на запад.

При исключительной ценности румынского материала для содержательного восстановления базисного мифологического архетипа, в плане формальном варианты рум. *bălaur*, *balaur* недостоверны, так как искажены описанным выше фонетическим притяжением со стороны нар.-лат. **bellua* > рум. *bală*. Но если мы правы, предполагая, что *bălaur* может указывать на переработанную восточнобалканской народной латынью фракийскую форму с *e*-огласовкой корня и *i*-огласовкой в суффиксе, то эта вероятная форма оказывается практически идентична по звучанию задокументированным у фракийцев топониму Βέλλουρος и личному имени Βελλυρης. Данные образования, восходящие к основе **bheln-uro-*, диалектно отличаются в балканском пространстве от иных: как от догреч. Βέλλερος с идентичной ступенью корневого аблаута при другом виде суффикса (*-ero-* вместо *-uro-*), так и от фрак. Βολερόν, иллиро-эпирот. Βόλουρος (сюда же и апеллатив μόλουρος в греческой передаче), где иное апофоническое состояние корня получает те же две разновидности суффикса.

Но для всего этого гнезда дериватов, включая и его субстратные продолжения в современных языках, следует, сообразуясь с фонетическими критериями, настаивать на его восточнобалканских,

---

²² Интересно сообщение о каких-то двух «заместителях Балора», пользовавшихся правом первой ночи по отношению ко всем невестам в Ольстере (отзвук связи Балора с вегетативной сферой?) (Rees, Rees 1961, 227).

фракийских в широком смысле, истоках. Достаточно сказать, что характеризующее его варьирование

b-/m-, хотя и засвидетельствованное в историческое время западными, тяготеющими к Адриатике языковыми фактами (Βόλουρος : μόλουρος, калабр. *mujurija*, с.-хорв. *blàvōr* : *mulàvār*), типологически чуждо палеобалканским (иллирийским) диалектам этого края (Mayer 1959, 190) и, напротив, характерно именно для фракийского ареала²³. Вспомним такие фракийские факты как теоним Βένδις ~ Μένδις < **bhendh-* ‘соединять, связывать’, топонимы Βαστειρα ~ Μαστειρα, Ἀβυδών ~ Ἀμυδών, Δόβηρος, Δοβερα ~ *Domeros* с неплохой параллелью в слав. *dъbrь ‘долина, овраг, дебри’, лтш. *dubra* то же, гидронимы Βάργος ~ Μάργος, совр. Морава, Τιβίσκος ~ Τιμήσις, совр. Тимиш и т.д. (Detschew 1952, 23; Poghirc 1963)²⁴. Догадке о проникновении интересующих нас слов в иллирийские области с востока из Фракии отвечает тот факт, что топоним Βόλουρος в Иллирии обнаруживается в районе обитания траллов, по античной традиции – фракийского племени, часть которых перебралась в VII в. до н.э. на восток в Анатолию, а часть двинулась на запад, к Ионийскому морю. Видимо, они же занесли этот топоним и Иллирию, и в эпирскую Феспотию.

К этому можно прибавить, что соотношение древнебалканских форм с простым и с удвоенным -λ- по греческим записям, находится в точной корреляции с качеством корневого гласного (Βόλουρος, Βολερόν, но Βέλλουρος, Βελλυρης) и в целом согласуется с наблюдаемыми особенностями фракийской трактовки звуко сочетаний -*ln-* и -*eln-*. Ведь с одной стороны, мы имеем фрак. βόλινθος ‘дикий бык’ < **bhln -ent-*, ср. нем. *Bulle* (Георгиев 1977, 12), а с другой - фрак.

---

²³ С учетом как первоначальной географической приуроченности, так и «каменно-горной» семантики этого гнезда лексем, можно бы иметь в виду также такой топоним с территории Греции как Μολουρίς (πέτρα), Μολούριον - скала в Мегарах вблизи Истма (Paus. I, 44, 7) по соседству с коринфским «беллеровым» локусом (но ср. лат. *mōles* ‘громада, насыпь, плотина’), а также личное имя Μόλουρος, вар. Μόλυρος, носимое сыном нимфы Арисбы (Paus. IX, 36, 6), что потенциально отсылает нас к фракийским областям (Калужская 2000, 88).

²⁴ В контексте мены *b/m* ср. оригинальную трактовку П.Кречмером имени, засвидетельствованного в надписи из Пренесте *Mellerpanta* = Βελλεροφόντης (Kretschmer 1936, 238, n. 1); кроме того в этом свете может получить новую интерпретацию засвидетельствованная Гесихием форма μόλουρίς αἰδοῖον, которую мы предлагаем рассматривать как восточнобалканский (фракийский) рефлекс того корня **bhel-* ‘вспухать, раздуваться’, а толкование Гесихия μόλις οὐρῶν ‘с трудом мочащийся’ считать осмыслением в духе народной этимологии (Калужская 2000, 87).

*kel(l)a 'источник', достоверно известно благодаря эпитету бога Хэроса в районе источника Глава Панега Ζαλδο-κεληνός с гибридной фрако-латинской калькой *Saltae-caputenus* 'Бог Золотого источника' (Георгиев 1977, 31) и обычно передаваемое с удвоением сонанта: см. топонимы Κελλαί, *Syro-cella* и т.д. В зависимости от подхода лингвистов к проблеме передвижения смычных во фракийском эта последняя лексема объясняется либо из и.-е. **g^welna*, ср. др.-инд. *jala* 'вода', нем. *Quelle* 'источник' (Георгиев 1977, 83, 95), сюда же греч. βαλανείον 'купание' (Pokorny I, 472); либо в порядке альтернативы из **kelna* от **kel-* 'шуметь, звенеть', ср. др.-англ. *hlyn(n)* 'шум, быстрый поток' < **kln-yo-* при *hlynnan*, *hlynian* 'звучать', также, вероятно хетт. *Kella* название источника (Гиндин-Цымбурский 1996, 206), далее см. еще др.-англ. *hlimme* 'поток' от *hlimman* 'греть' < **kl-em-* (Pokorny I, 549 f.). При любом решении в этой фракийской основе мы имеем продолжение группы *-eln-*, где стечение двух сонантов трактуется сугубо иначе, нежели в сочетании *-ln-* со слоговым латеральным. Можно утверждать, что рефлексy тех же звуковых комплексов в известных древнебалканских основах, родственных догреч. Βέλλερος, вполне отвечают выявленной фракийской дистрибуции²⁵. Наконец, если приглядеться к распространению ранних форм этого гнезда на севере Балкан по греческим показаниям, оказывается, что данной изоглоссой наиболее плотно охвачены район Родоп (Βέλλουρος) и области к западу от Стримона, включая Халкидику (φεμα Βολερόν) и соседний Фасос (имя Βελλυρης), то есть, собственно, та западная окраина фракийского мира, где он уже переходит в Македонию, Пеонию и лингвистически проблематичную Дарданию. Возможно, не случайно в этом же крае обнаружен сосуд из Рогозенского клада с изображением загадочного второго антагониста Беллерофонта. Правдоподобно, что мифология «Пра-Беллера» первично оформлялась именно в территориальном поясе, простершемся от Халкидики до Верхней Мезии и западной Дакии. Отсюда открывались пути для

²⁵ Отсюда видно, в частности, что прообраз алб. *bullar* (< **boluros*) мог втянуться в круг албанских слов от основы *boll-* (безударное *bull*) < **bhēl(n)-*, не раньше албанского перехода $\bar{e} > o$. В.Георгиев синхронизировал этот переход с аналогичным звуковым развитием в дакомизийском, отмечая, что дако-миз. -δευα, -δεβα 'город' в многочисленных топонимах (< **dhēwa*), начинает с I в. до н.э. передаваться через -δαυα, -δαβα, а с III-IV вв. н.э. появляются написания с *o* (*Pelen-dova*). Так восстанавливается ряд изменений $\bar{e} > \bar{a} > o$ (Георгиев 1977, 207). Соотнесение албанской эволюции с дако-мизийской вполне согласуется с особым отражением в албанском латинского $\bar{e}$ (латинские заимствования могут быть датированы временем начиная с I в. до н.э.) и подтверждает вторичную адаптированность фрак. (> зап.-балк.) **boluros* в раннеалбанском.

распространения этой мифологии как в Грецию (морем или через Македонию), так и в пражельтские области (через Паннонию).

Если в свете этих заключений мы теперь от фонетики обратимся к плану содержания современных западнобалканских зоонимов от той же основы, то обнаружим их примыкание на деле к тому же мифологическому кругу, ибо выясняется, что их употребление несет в себе – в вырожденном, трансформированном состоянии – память тех сюжетов, каковые в развернутом виде сохранились на востоке, в румынских поверьях. Присмотримся к тем конкретным видам рептилий, которые в албанском и сербохорватском зовутся соответственно *буларом* и *блатором*. Мы видели, что так именуется «слепая» медянка, *Anguis fragilis* – естественный природный коррелят сказочного слепого Булара. Между тем, контекст употребления греч. *μόλουρος* может указывать на глубокую древность применения терминов этой группы именно к слепым пресмыкающимся. Ибо составитель схолий к «Териакам», ст. 491 (*Scholia in Nicandri Theriaca*, ed. A. Crugnola, Milano, 1971) поясняет слова Никандра *σὺν δ' ὄσσοι ἀκοντίαι ἢ δὲ μόλουροι ἢ δ' ἔτι που τυφλῶπες ἀπήμαντοι φορέονται* следующим образом: *ἀκοντίαι· οὕτως διατρέχοντες κατὰ τὰ ἀκόντια. ἄλλα δὲ ζῶα εἰσὶν οἱ ἀκοντίαι ὡσπερ τὰ ἀκόντια ὀρμῶντες. ἐπὶ τούτοις δὲ οἱ τυφλῶπες τούτέστιν οἱ καλοῦμενοι τυφλῖνοι ἢ, < ... > ὡς Ἀπολλοφάνης, ὄφεις εἰσὶν. οὗτοι δὲ καὶ πατούμενοι ἡρεμοῦσιν.* «'Аκοντίαи – так мчащиеся, словно копья. Другие животные - 'ακοντίαи, несущиеся словно копья. Здесь же слепоглазые – то есть так называемые “слепни”, < ... > о которых Аполлофан (говорит, что) это змеи. Эти, даже питаясь, пребывают в покое». Очевидно, что употребляя глагол *συμφορέομαι* 'скапливаться, собираться', Никандр характеризует три вида называемых им рептилий как сосуществующих вместе и в чем-то близких. Интересно, что схолиаст никак не комментирует термин *μόλουροι*, возможно, сближая их со «слепоглазыми», по изображению которых легко опознать *Anguis fragilis*. В частности, выражение *πατούμενοι ἡρεμοῦσιν* дословно перекликается с описанием повадок этих тварей в современных справочниках: «Питаются ... медленно движущимися животными, поскольку за более быстрой добычей угнаться не в состоянии. Заметив добычу, веретеница медленно к ней приближается, ощупывает сперва языком, затем широко раскрывает рот и не спеша схватывает» (Жизнь животных 1969, 302). Образ жизни этой безногой ящерицы, значительную часть своего существования проводящей под землей, делает ее мнимую «слепоту» сопоставимой не только со слепотой албанского Булара-пожирателя – круглогодичной, за исключением одного дня, - но также и с многолетней незрячестью-невидимостью

змей, превращающихся в балауров, по румынским народным представлениям. Рассмотренные контексты Никандра и его схолиаста (где $\mu\acute{o}\lambda\omicron\upsilon\rho\omicron\iota$ в первом случае соседствуют со слепнями-медяницами, а во втором – даже может быть смешиваются с ними) разительно перекликаются с современным распространением сербохорватского зоонима *blävör/mulävār* на «слепых» медяниц²⁶.

Другие же существа, к коим рассматриваемые имена на балканском западе прилагаются чаще всего – *Ophisaurus arus* и *Pseudopus arus*, не будучи слепы, обладают другой специфической приметой: это рудименты задних ног в виде сосочков по сторонам анального отверстия (Жизнь животных 1969, 301). Как мы помним, в Румынии метаморфоза змеи, пребывающей под землей семь и более лет, в балаура начинается с вырастания у нее ног. Есть сообщения, что у балаура ноги вообще скрыты под кожей и выступают на свет, если кто-то одерживает над ним верх или отсекает ему голову (Sbiera 1971, 404). Таким образом, соотношение семантики рум. *bălaur* и алб. *bullar*, с.-хорв. *blävör* выходит далеко за рамки банальной модели «сказочный дракон ~ крупная рептилия». В одном случае «слепота», связанная с подземным обитанием, в другом – намечающиеся, как бы еще не оформившиеся конечности увязывают облик представителей семейства *Anguidae*, носящих имя булара, с румынским образом змеи, готовой стать балауром. Параллельный вырастанию ног мотив отпадения хвоста у такой змеи биологически материализуется в чрезвычайной ломкости хвоста у *Anguis fragilis*, подобно другим ящерицам, отбрасывающей его в случае опасности (Жизнь животных 1969, 303).

Особенно любопытно наличие в албанском фольклоре точных параллелей к румынским сказаниям о происхождении балаура: при этом начальным звеном в цепи превращений у албанцев становится не всякая змея, а незримый людям в течение 15 лет *bullar*. Через промежуточную фазу в виде *rrëshajë (ershajë)* 'гадюки' этот *bullar* перерождается в сказочного дракона *kuçedra* (ср. замечание известного румынского автора насчет того, что в албанских сказках эквивалент румынского балаура носит название *kuçedra* - Şaineanu 1979, 532). В результате албанская цепочка превращений: *bullar* > (*rrëshajë*) > *kuçedra* соответствует румынской: *şarpe* > *bălaur* (факультативно: *şarpe* > *bălaur* > *zmeu*). Как можно видеть, если рефлекс древнего *belluros на востоке Балкан относится к конечному, или при наличии

---

²⁶Выстроенный у Никандра ряд находит интересный отголосок в зоологической номенклатуре нового времени, где термин *Acontias* специально обозначает род южноафриканских безногих ящериц, ведущих подземный, роющий образ жизни и имеющих маленькие и почти прикрытые щитками, то есть «слепые» глаза (Жизнь животных 1969, 261-267). Не исключено, что зоолог, когда-то дававший название *аконтиям* Южной Африки, ориентировался на традицию, в конечном счете восходящую к Никандру и трактующую термин $\acute{\alpha}\kappa\omicron\nu\tau\acute{\iota}\alpha\iota$ как название неких существ, близких к европейским медяницам.

змеи, промежуточному, но в любом случае сугубо мифологическому звену цепочки, то на западе родственная основа маркирует ее начальное, реально-зоологическое звено. Тут полезно для сравнения привлечь весьма сходный сюжет обращения простой змеи в чудесного змея у болгар, чья традиция на этот счет обнаруживает детали, близкие к румынским. Здесь тоже условием превращения бывает недоступность и невидимость змеи для людей в течение заветного времени (Георгиева 1983, 79). Кроме того Змеем становится 40-летний *смок* 'уж, медянка' после того, как высосет корову (Маринов 1984, 146). Указание на *смока* как субъекта превращения ценно тем, что за пределами болгарского соответствующее слово (русск. *смок*, блр. *смок*, *цмок*, словен. *smòk*, польск. *smok*, чеш. *zmok*) обычно относится к дракону (Фасмер III, 689). То есть в результате своей трансформации болгарский *смок* 'медянка' или 'уж', аналог албанского *bullar*'а, восстанавливает качества *смока* общеславянского, идентичного румынскому *bălaur*'у. На уровне мифа образ совершает превращение, обратное тому переходу, который пережил на языковом уровне термин, сместившись от общеславянского значения 'дракон' к сегодняшнему болгарскому. По-видимому, в точности такую же регенерацию исконного, восточнобалканского денотата в рамках мифа осуществляет и албанский *булар-медянка*, возвышаясь до статуса *кучедры*, аналога румынского *балаура*.

К этому надо лишь добавить, что в албанском, по сравнению с болгарским, мотивировка «рептилизации» мифонима, похоже, более изощрена, поскольку здесь семантически смещенное слово закрепляется за разными, хотя и родственными видами существ, внешними атрибутами которых как бы кодируются различные аспекты сюжета, в полном виде прослеживаемого на балканском востоке. Восточнобалканский миф первичен перед западнобалканской зоонимикой. Хотя над последней в свою очередь и может, как говорилось, надстраиваться местное мифотворчество (с *блатором* в Шкодранском озере, страшным *мулаваром* в хорватском Винодоле, а также увенчанном короной *блатором* в Словении и *Буларом-пожирателем* в Албании), оно существенно обеднено по сравнению со старой традицией, сохраненной у румын: у албанского и адриатических славянских фольклорных персонажей не заметно ни полиморфизма, ни «каменной» природы, ни человеческих ипостасей, ни повелевания грозами. Тем более впечатляет, что сюжет «змеиной подземной инициации», туземный ли палеобалканский, или также перенесенный с востока, используется на западе в оригинальной регенеративной функции – для восстановления из зоонима генетически стоящего за ним и как бы «заземленного» и «закодированного» в его денотате иноареального мифического образа²⁷. На уровне сюжета слово

²⁷ Наблюдаемая сегодня на Балканах смысловая дифференциация продолжений **bhelnuros* и **bhlnuros* с ослабленной мифологической нагруженностью последних

соприкасается со смыслом, который был им утерян как собственно языковое означаемое. Другое дело, что и смысл 'дракон' представляет собой вырожденный остаток древней семантики фракийского мифонима.

6. Между Βόλουρος и *blävōr*: к вопросу о языке-посреднике.

Последней лакуной в нашей реконструкции остается тот разрыв между формой **boluros*, восстанавливаемой по данным древнебалканской топонимии, при апеллативном варианте μόλουρος в фиксации II в. до н.э., и теми ближайшими прототипами **bulaur(u)/*molaur(u)-*, каковые непосредственно скрываются за современными западнобалканскими лексемами: алб. *bullar*, с.-хорв. *blävōr*, *molávār* и т.д. Мы не видим иной возможности преодолеть этот разрыв, чем высказать предположение о языке-посреднике, способном стоять между западными палеобалканскими диалектами античной эпохи и теми новыми языками ареала, чьи носители появляются в районе Адриатики к VI-VII вв. н.э. Характерными чертами этого языка-посредника должна была являться своеобразная дифтонгизация *u > au* в открытом ударном слого, наряду с возможным развитием безударного *o > u*.

В самом деле, в этих краях в средние века существовал язык, отвечавший таким критериям. Это был далматинский язык, наследник местной западнобалканской народной латыни, функционировавший на Адриатическом побережье примерно от р. Фиуме (Риека) на севере до

должна быть весьма древней, но не может быть исконной. Кельт. *Balor* с *a* в начальном слого (вторично изменяющемся в *o* вследствие ассимиляции) объяснимо благодаря звуковому закону, по которому в кельтском *r, l* перед гласными давали *ar, al*, ср. др.-ирл. *maraim* 'остаюсь' при лат. *mora* 'задержка', др.-ирл. *scaraim* 'отделяю' при др.-в.-нем. *giscoran* 'отрезанный' (Льюис-Педерсен 1954, 29). Поэтому *Balor* должно было заимствоваться пракельтами из прафракийского еще в эпоху существования слоговых сонантов в форме **bluros* (< **bhlnuros*), идентичной той, из которой возникли зап.-балк. Βόλουρος, а позднее алб. *bullar* и с.-хорв. *blävōr*. Но по смыслу кельтский мифоним соотносится не с порожденными от основы с данной ступенью аблаута западнобалканскими «змеиными» названиями, ибо Балор не имеет явных связей со змеями (Калыгин 1996, 108), а отражает то общее мифологическое поле, которым окружен «каменно-горный» и до поры незрячий румынский балаур (чье имя – искаженный рефлекс фрак. **belluros*). Таким образом получается, что мифонимы с *e*-огласовкой в прафракийском первично дублировались вариантами с нулевой ступенью, семантическое же расхождение тех и других началось позднее. Впрочем, кельт. Βελέριον (Βολέριον) наводит на мысль, что разные группы пракельтов знали эту основу не в одном апофоническом варианте.

г. Бара в Черногории на юге и на прилегающих островах (Tagliavini 1972, 374; Skok 1950) и угасший к началу XX в. В его велиотском диалекте (от названия о-ва *Велья*, с.-хорв. *Крк*), образцы которого в конце XIX в. успел записать М.Бартоли, лат. $\bar{o}$ и $\bar{y}$, дававшие нар.-лат. o , в этимологически открытых ударных слогах отражаются именно как *au*, ср. вел. *krauk* 'крест' < лат. *crucet*, вел. *nauk* 'орех' < *nucet*, вел. *gaula* 'глотка' < лат. *gulam*, вел. *nepaut* 'племянник' < лат. *nepotem*, вел. *saupra* 'сверху' < лат. *supra* (Bartoli 1906, 334; Tagliavini 1972, 375; там же параллельные примеры развития лат. $\bar{e}$, $\bar{i}$ > нар.-лат. e > далмат. *ai*).

В сербохорватском имеются заимствования из далматинского, способные быть старше времени дифтонгизации, поскольку в них велиотскому *au* < нар.-лат. o соответствует *u*, как в *mošun* 'стойло, загон' при вел. *mošauna* то же < лат. *mansionem* (Skok 1972, 460). Но Скок указывает и на очень примечательный для нас случай широчайшей распространенности в сербохорватских говорах характерно далматинского слова с дифтонгом, происходящим из той же народно-латинской фонемы. Это название морской рыбы : вел. *agaun* < лат. **ациōнет* от *acus* 'игла', дающее по славянским говорам такие рефлексy, как *gāvun* (Дубровник), *gāvun*, *gavūn* (Вук, Божава, Пераст), *gavūn* (Вргада), *gāvun* (Сплит) при *agōn* (Крк), *agūn* (Дубашница, Врбник), демонстрирующих явно вторичную монофтонгизацию (Skok 1971, 13). Этот факт показателен, во-первых, распространенностью далматинской лексемы с интересующим нас звуковым развитием почти по всей протяженности заселенного славянами западнобалканского побережья от Крка до Дубровника. А во-вторых, очевидным сходством между диалектными преломлениями дифтонга *-au-* в суффиксе и трансформациями того же звукосочетания в таких продолжениях *blāvōr* как *blāvur*, *blāur*, *blōr* и т.д. Это значимо постольку, поскольку последними формами обозначается рептилия, в основном распространенная в приморских районах бывшей «большой» Югославии (Obća enziklopedija 1977, 563), то есть опять-таки типичный представитель «далматинской» фауны (ср. применение *blāvōr* в районе Дубровника также к морской рыбе *Saurus griscus* из семейства Ящероголовых Synodontidae – РСА I, 597).

С исторической точки зрения трудно представить, чтобы адриатический зооним палеобалканского происхождения попал к славянам, появившимся здесь не ранее VI в. (и к албанцам, по-видимому, продвинувшимся сюда из континентальной глубинки Северных Балкан), минуя народную латынь в ее местном варианте, плотным слоем перекрывшую древние наречия этого края.

Учитывая спорадический велиотский переход безударного $o > u$,

например, в *jarbul* 'дерево' < лат. *arborem*, нетрудно видеть, что ранняя форма вроде нар.-лат. **bolóru* по правилам далматинской исторической фонетики в какой-то момент должна была дать **bulaúru*, иначе говоря, тот самый прообраз, что восстанавливается для сербохорватского и албанского зоонимов. Впрочем, А.Майер отмечает для иллирийских диалектов случаи развития даже [ǒ] подударного в [ǔ]-образный звук, в славянском отражаемый через [ъ], ср. иллир. *Scodra* > слав. **Skъdrъ* > серб. *Скàдар*, иллир. *Corcyra* > слав. **Къркъръ* > серб. *Кр̀кар*, иллир. *Кóлош* > слав. **Кълъра* > серб. *К̀уна* (Mayer 1959, 139). Как ни мало известно об истории далматинского ударения, но выявленное М.Бартоли стремление велиотского преобразовывать имена вида *rgoragoxutona* в *ragoxutona* (Bartoli 1906, 356) позволяет думать, что сдвиг ударения **βόλουρος* > **bolúru*/**bulúru* также мог состояться в раннедалматинской языковой среде – или еще раньше, в среде носителей западнобалканской народной латыни.

Главный вопрос оказывается связан с временем дифтонгизации в далматинском. Некоторый *terminus ante quem* нам дают реликтовые свидетельства рагузинского диалекта XIV в., где диграфические написания вроде *douxe* < лат. *ducem* (Bartoli 1906, 269) вполне могут отражать дифтонг с широким слогообразующим элементом, сходный с *ai* (ср. Hadlich 1965, 47-49; также Guberina 1960a, 540 о велиотском написании *Promontour* вместо *Promontor*). П.Губерина, стремившийся объяснить этот процесс сербохорватским (чакавским) диалектным влиянием, датировал появление дифтонгов «средневелиотским» периодом, который он отсчитывал с XII-XIII в. (Guberina 1959; 1960a; 1960b). Основным аргументом ему служило время, когда в латинизированных записях местных названий, в том числе славянских, начинает наблюдаться неизвестное в XI в. замещение *o*, *u* на *ai* и, параллельно – *e*, *i* на *ai*. Однако подобный критерий требует большой осторожности в интерпретации фактов, поскольку традиционные написания топонимов могут сохраняться долгое время после того, как те претерпели изменения в живой речи: сам Губерина замечает, что в XV в., когда дифтонгизация уже вполне состоялась, учитывающие ее передачи фигурируют рядом с традиционными, типа *Caneti* : *Canayti*. Да и после этого в XVI-XVIII вв. можно видеть сплошь и рядом на письме отражения топонимов без дифтонгов (Guberina 1960a). Что касается славянских названий на Адриатике, то в них появление дифтонгов (*Gomaila* из слав. **gomila*, *Prisaika* из слав. **Preseka*) сопровождалось такими «гипердалматинизмами» (ср. *Malinska* : *Malainska* на о-ве Крк-Велья с появлением *ai* в закрытом слоге), которые обнаруживают, что фонетические механизмы перехода ко времени возникновения подобных звучаний на самом деле могли уже не действовать, принадлежа прошлому.

В принципе, если бы мы располагали только вариантами с начальным *m-* (*mulávār, moláver*), не знакомыми албанскому и часто сохраняющими или вторично восстановившими гласный в безударном слоге, у нас бы не было никаких препятствий к тому, чтобы рассматривать их как «далматинизмы», порожденные трансформациями палеобалк. *μόλουρος* > нар.-лат. **molóru*, далмат. **molaúru(u)*, вар. **mulaúru(u)*, независимо от времени последнего перехода. Дискуссионными предстают лишь формы, имеющие *b-* в анлауте. Особенности их звукового облика в албанском, сербохорватском и словенском указывают на их заимствование в ту эпоху, когда в албанском еще не прошло до конца упрощение дифтонгов, а в южно-славянских языках не завершился процесс падения слабых редуцированных, с одним из которых был отождествлен безударный *u* в **bulaúru(u)* > слав. **b(ъ)lavr(ъ)*. К сожалению, верхняя временная граница упрощения албанских дифтонгов не может быть установлена с достоверностью – данные для этого просто отсутствуют. Объяснение же славянских фактов, предлагаемое нами, было бы приемлемо, если допустить, что дифтонгизация ударных гласных в открытых слогах в далматинском (не обязательно в его велиотском диалекте) началась на один-два века раньше, нежели полагал Губерина. Но, как уже сказано, его топонимические доводы нам не представляются настолько сильными, чтобы начисто отметать такую возможность.

Интегрируя изложенное, мы склоняемся к мысли, что все рассмотренные, фракийские по своим истокам, элементы в сегодняшних языках Северных Балкан прошли через адаптацию народной латынью этого ареала, причем на его западе и востоке различны были не только прототипы данных элементов, но и последующие их пути. Восточнобалканская латынь усвоила рефлекс лексемы **bélluros* с

e-огласовкой и причудливым богатством мифологических смыслов. Латынь приадриатических областей восприняла варианты **bóluros/μόλουρος* с генетической нулевой ступенью основы, занесенные сюда некогда из фракийского региона племенами, чей языковой узус был отмечен семантическим вырождением и зоонимическим «заземлением» слова. Здесь переживший далматинское звуковое изменение термин **bulaúru(u)* к началу II тыс. был воспринят албанцами и адриатическими славянами, причем первые глубоко интегрировали его в одно из разветвленнейших этимологических гнезд своего языка. Трудно сказать, тогда же или позднее часть здешних славян переняла из каких-то далматинских наречий также вариант

**molaúr(u)/*mulaúr(u)*²⁸. При этом парадоксальным образом далматинская дифтонгизация на западе и переоформление рефлекса фрак. **bélluros* под влиянием рум. *bală* < лат. *bellua* на востоке разными путями привели ко вторичной фонетической конвергенции слов, некогда разошедшихся по звучанию и смыслу²⁹, но ни в одном из этих планов не утративших до конца своей родовой связи. Тем самым эти процессы породили ту современную картину, которая доставляет столько хлопот балканистам.

7. О Белиаре «Второго послания к коринфянам».

Завершая нашу работу, мы позволим себе в порядке эпилога коснуться одного вопроса, с коего она когда-то начиналась, но который, как обнаруживается, выводит в область для нас откровенно неожиданную. Речь пойдет о пережитках образа Беллера в окрестностях Коринфа.

Как уже говорилось, в Малую Азию Беллерофонт «перебрался» без Беллера, обретя себе здесь местную противницу – Химеру. Впрочем, для эволюции мифа правдоподобно и вполне логично должен быть восстановлен промежуточный слой между той древнейшей стадией, когда бог или герой, несущий в своем имени атрибут «Беллер», бился с Беллером-противником («поединок двух Беллеров»), и наличным состоянием мифа, где фигура Беллера не играет сколько-нибудь существенной роли. На этом переходном уровне первичной ориентализации сказания два противника героя, как и на Рогозенском сосуде, могли сосуществовать в одном сюжете, причем и

---

²⁸ Вообще, формы на *m-*, представленные в Словении, в том числе в Истрии и в окрестностях Триеста (Крас), в крайней северной части Хорватского Приморья (Винодол), на о-ве Крк – Велья, редко южнее (Дуги Оток) (Skok 1971, 170), характеризуются гораздо большей компактностью распространения, чем формы на *b-*. Последние наблюдаются по всему Приморью, тогда как первые концентрируются в основном в регионе Истрии и Северной Далмации, что может отражать еще палеобалканский узус, опосредованный далматинскими диалектами и позднее воспринятый адриатическими славянами.

²⁹ Не дают ли некоторые албанские факты намек на сохранение в этом языке также рудиментов древней формы **bóluros*, восходящей либо непосредственно к западнобалканскому субстрату, либо - к народной латыни (или раннедалматинскому до появления в нем дифтонгов)? В этом смысле нам не внушает доверия записанное О.Ханом гегское слово *buurojë* 'какой-то вид змей', объяснявшееся Г.Мейером из **bulur-ónë* с аномальным для албанского выпадением интервокального *-l-* (Meyer 1891, 41). Если даже Г.Мейер в своем истолковании прав, огласовка *-ur-* вместо *-ar-* в безударном слоге могла возникнуть по ассимиляции его гласного вокализму соседних слогов. Более интересно алб. *bullur* 'плохой, скверный' (Fjalor 1980, 197), где можно было бы предположить древнее слово, законсервированное в экспрессивном употреблении (ср. рум. *bălaur* 'жестокий человек'). Как ни проблематично такое допущение, резервировать его, во всяком случае, позволительно.

сама Химера

(будто бы дочь аркадской Ехидны), при всей малоазийской атрибутике, не лишена была и южно-балканской, пелопоннеской привязки.

Это переосмысление, похоже, должно было начаться еще во II тыс. до н.э. на коринфской родине Беллерофонта. В работе (Цымбурский 1987, 134) по этому поводу отмечалось «особое место истмийского региона в истории греко-анатолийских связей, устанавливаемое по данным традиции и местной топонимике», со ссылкой на давние выводы Л.А.Гиндина, который, выделяя вблизи перешейка ряд вполне малоазийских по виду топонимов (поселение Μουσός, оронимы Ὑσσέλιθος, Λυκώνη и т.д.) усматривал здесь «один из анатолийских локальных ареалов на территории материковой Греции» (Гиндин 1967, 120, ср. 106). Эти выводы видного лингвиста сопоставлялись с греческой легендой о гостеприимце и враге Беллерофонта, царе Пройте, которому традиция приписывала плавание в Ликию и женитьбу на дочери анатолийского царя, а затем возвращение в Грецию в сопровождении не только ликийского войска, отвоевавшего для Пройты у его брата-близнеца Акрисия царство (Ard. 2, 2, 1; Paus. II, 25, 7; Нуг. 64), но и неких заморских киклопов, воздвигших стены в Микенах и Тиринфе, в том числе и микенские Львиные ворота (Strab. VIII, 6, 1; Paus II, 16, 5; VII, 25, 6). Заключение было то, что «в этом цикле преданий, полном исторических аллюзий (наряду с обычными сюжетами сказочного фольклора, каковы борьба братьев-близнецов, отвергнутая любовь царицы-ликиянки к Беллерофонту и т.д.), история появления греков в Западной Анатолии, неразрывно переплелась с прочной традицией о раннем присутствии анатолийцев на севере Пелопоннеса и значительном вкладе, якобы внесенном ими в возвышение будущих ахейских центров. Все эти данные не позволяют исключить напрашивающегося предположения о какой-то ранней “ориентализации” образа Беллерофонта еще на Истме, обусловившей последующую беспрецедентную популярность героя на новой родине малоазийских греков» (Цымбурский 1987, там же).

Мы и сейчас придерживаемся того же мнения. Однако нельзя быть уверенными в том, что образ Беллера, выпавший из литературы, был также полностью устранен и из коринфской местной, в частности, низовой мифологии, сохранившись лишь искаженным ономастическим эхом в названии Пеллеритиды. Нам сейчас хотелось бы обратить внимание на глоссу Βελίαρ· δράκων, с очевидностью отсылающую к прославленному пассажию из Второго послания апостола Павла к коринфянам (VI, 15): τίς δὲ συμφώνησις Χριστῷ πρὸς Βελίαρ; ἢ τίς μερὶς πιστῷ μετὰ ἀπίστου. Появление формы Βελίαρ в этом месте вызывает серьезные затруднения у комментаторов, один из которых высказался весьма откровенно: “it cannot be determined with

any certainty, whether Paul had particular reasons for the choice of this unusual name” (Kittel 1983, 607).

Общепризнано (SABC 1980, 577; IB 1985, 353; Kittel 1983, *ibid.*; Strack-Billerbeck 1985, 521 f.; ЕЭ 1991, IV, 62; БЭ 1990, 112), что в этом месте имя *Белиар* – мы принимаем это этимологическое чтение вопреки узуальному *Велиар* – восходит к ветхозаветному термину *bly'l*, понимаемому как *bly-y'l* ‘беспольный, никчемный’ или, реже, вслед за частью талмудистов как *bly-'l* ‘безъяремный’, то есть ‘беззаконник’. Книги Ветхого Завета полны осуждения в адрес нечестивых и неразумных *bny bly'l* или *yš bly'l* (Втор. 13, 14; Суд. 19, 22; 20, 13; Цар. 1, 16; 2, 12; 10, 27; 17, 25; 30, 22; 2 Цар. 16, 7; 20, 1; 23, 6; 3 Цар. 20, 10, 13), но образа Белиала как действенного демонического субъекта в этих книгах нет и, более того, остается спорным само понимание *bly'l* на правах имени собственного. Переводчики Септуагинты настойчиво передают места, где говорится о *bny bly'l* оборотами вроде *υἱὸὶ παρανόμων* ‘сыны беззаконных’, *ἄνδρες παράνομοι* ‘люди беззаконные’, *υἱὸὶ λοιμοί* ‘сыны чумы’, и т.п. (Kittel 1983, там же)³⁰. Крайне редко по рукописям появляется *Βελιαλ*, понятое как собственное имя, так что, к примеру для Суд. 20, 13 Codex Alexandrinus дает *υἱοὺς παρανόμων* ‘сынов от людей беззаконных’, а Codex Vaticanus - *υἱοὺς Βελιαλ* ‘сынов Белиала’. Последняя трактовка уже выдает тенденцию, расцветшую в так называемую междузаветную эпоху, когда в псевдоэпиграфическом «Мученичестве Исаяи» предстанет Белиал как «ангел беззакония, который правит сим миром» (Charles 1966, 160), а кумранские свитки назовут свою эпоху «царством Белиала», «ангела вражды», которого Бог «сотворил для порчи», чтобы «умыслами его воздать порочным и грешным» (TQ 1961, 114; Yadin 1962, 232-234). В ту же пору появляется испорченная форма *Белиар* (*Βελίαρ*), господствующая в «Заветах 12 патриархов», к сожалению, дошедших только в греческом, сильно христианизированном переводе (Charles 1966, 296-367; AA 2000, 46-128). В них устами сынов Иакова - Симеона (5, 3), Иуды (25, 3), Асира (3, 2), Левия (3, 3) обличается «дух соблазна и Белиара» и предсказывается возмездие Белиару в Судный день, а от имени Неффелима (2, 6) люди ставятся перед выбором - жить «либо по закону Господа, либо по закону Белиара», что прямо предвосхищает антитезу из Второго послания к коринфянам.

Но если данный оборот речи святого Павла оказывается вполне объясним в контексте предшествующей, современной ему иудейской

---

³⁰ По тому же пути твердо пошли создатели русского синодального перевода, везде без изъятия сделав из «чад *bly'l*» просто людей «развращенных», «нечестивых», «пустых», «убийц и беззаконников» и т.п., начисто лишив русскоязычных читателей возможности мифотворчески персонифицировать соответствующий еврейский термин.

словесности, то от этого не делается менее загадочным уникальное появление этого демонима (единственный раз на весь новозаветный корпус!) в послании «апостола язычников» к христианской общине греческого города, возможно, понятное входившим в ее состав местным иудеям, однако как бы не предполагающее недоумения и со стороны их единоверцев-эллинов. Настораживает и комментарий Гесихия, делающий упор на восприятие Белиара не как губительной духовной силы («ангела беззакония» и т.п.) в стиле иудейских междузаветных текстов, но по преимуществу в образе змееподобного чудища. Это, конечно же, весьма согласуется с христианской метафорикой дьявола – «дракона, змия древнего» (Отк. 20, 2). Но примечательно, что энциклопедист-лексикограф полностью воздерживается от акцентирования иудейско-христианской специфики имени: Белиар у него всего лишь 'дракон', значения же 'сатана', 'дьявол' и т.п. относятся к подразумеваемым имплицитным коннотациям.

По этим обстоятельствам от внимания филолога не может ускользнуть отчетливая паронимия «апокрифической» и не поддерживаемой Ветхим Заветом формы Βελίαρ («исправленной» Вульгатою на *Belial*, но неоспоримо документированной для Второго послания к коринфянам греческими списками) и имени коринфского Беллера, хтонического противника, некогда сраженного в окрестностях этого города воителем - небесным конником. Как известно, святой Павел сам, согласно Деян. 18, 1-4, какое-то время (по БЭ 1990, 480, «полтора года») прожил в Коринфе, «во всякую субботу говоря в синагоге и убеждая иудеев и эллинов», а потому вполне мог быть знаком с преданиями этого края. Позволительно допустить, что использование экзотического слова в какой-то мере было подсказано и ощущением того отклика, который оно способно было по созвучию найти в сознании новообращенных коринфян - вчерашних язычников. Подобный прием был бы вполне в стиле риторики этого апостола, перекликаясь, например, с открывавшей его речь в афинском ареопаге апелляцией к местному культу «неведомого бога» (Деян. 17, 22-24) - таким же привлечением переосмысленного гения или демона места в поддержку христианской проповеди, во исполнение желания «для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (I Кор. 9, 22).

ADDENDUM

Рассмотренные выше переклички между между румынскими поверьями о балаурах и «Песнью об Улликумми» в конечном счете привлекают внимание и к появляющейся в этой «Песни...» форме Upelluri (Ubelluri) – имени, держащего землю гиганта, из плеча которого вырастает, грозя богам, Улликумми-кункунуци. Как

относиться к переключке балканских и хетто-хурритского мифонимов? Случайная ли тут «сирена созвучия», как любил выражаться покойный И.М.Дьяконов? А если нет, - обязательно ли по этому поводу возвращаться к идеям «кавказоидного судстрата», скажем, в плане отношений между прахурритами и племенами «древнеевропейского» неолитического круга, списывая индоевропейские мотивации разобранных форм на счет вторичных притяжений? Надо бы понять в виду, что соотношение между хурритским и собственно хеттским вкладом в эпос об Улликумми достаточно проблематично. Не может ли за хурритизированным звучанием «Убеллури» скрываться форма, импортированная прахеттами на Ближний Восток из Северного Причерноморья, - зоны их вероятного соседства с северобалканскими носителями «прабалаурова» комплекса? Любопытно, что Убеллури оказывается по сути в стороне от разворачивающейся в эпосе мировой битвы, где функции антагониста богов приписываются «отпочковывающемуся» от него Кункунуцци. Эта картина, в общем, согласуется с предложенной палеонтологией «прабалаурова комплекса», для древнейшей стадии которого восстанавливается космологический образ «Беллера без Беллерофонта».

Литература и сокращения

- АА 2000 – Апокрифические апокалипсисы. Пер. и комм. М. и В. Витковских. СПб., 2000.
- Архив КДА – Архив Карпатского диалектологического атласа. Институт славяноведения РАН, Москва.
- Бурсье 1952 – *Бурсье Э.* Основы романского языкознания. М., 1952.
- БЭ 1990 – Библейская энциклопедия. Изд-е Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990 (репринт изд-я 1891 г.).
- Воронина-Грошева 1987 – Воронина И.П., Грошева А.В. Об албанском суффиксе *-ar* и его латинском прототипе *-arius* // *Romano-Balcanica*. Вопросы адаптации латинского элемента в балканском ареале. Л., 1987.
- Георгиев 1977 – *Георгиев В.* Траките и технях език. София, 1977.
- Георгиева 1983 – *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1983.
- Геров – *Геров Н.* Речник на българския език. I-V. Пловдив, 1895-1904.
- Гиндин 1967 – *Гиндин Л.А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
- Гиндин 1979 – *Гиндин Л.А.* К возможности реконструкции фракийского языка по материалам греко-римских надписей. Ἡρώς Περκωνίς resp. Περκωνός // Вестник древней истории, 1979, №3.

- Гиндин 1981 – *Гиндин Л.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981.
- Гиндин-Цымбурский 1996 – *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М., 1882.
- Дечев 1952 – *Дечев Д.* Характеристика на тракийският език. София, 1952.
- ЕЭ 1991 – Еврейская энциклопедия. СПб., 1991 (репринт издания Брокгауза – Ефрона и Общества Научных Еврейских изданий, б.г.).
- Жизнь животных 1969 – *Жизнь животных.* Т. 4, ч. 2. М., 1969.
- Иванов 1977 – *Иванов Вяч.Вс.* Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977.
- Иванов-Топоров 1974 – *Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
- Калужская 2000 – *Калужская И.А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках. (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). М., 2000.
- Калужская-Цымбурский 1988 – *Калужская И.А., Цымбурский В.Л.* Некоторые северобалканские данные к предыстории греческого мифа об убийце Беллера // Международный симпозиум «Античная балканистика». Тезисы докладов. М., 1988.
- Калужская-Цымбурский 1991 – *Калужская И.А., Цымбурский В.Л.* Греч. Βέλλερος, рум. *bălaur* и другие. (Из истории мифологических представлений Юго-Восточной Европы) // Terra antiqua Balcanica VI. V Международный конгресс по фракологии. София, 1991.
- Калыгин 1996 – *Калыгин В.П.* Древнеирландский теоним *Valor* в индоевропейской перспективе // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6.
- Кейпер 1986 – *Кейпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
- Кулишић 1970 – *Кулишић Ш. и др.* Српски митолошки речник. Београд, 1970.
- Льюис-Педерсен 1954 – *Льюис К., Педерсен Х.* Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- Маринов 1984 – *Маринов Д.* Избрани произведения в два тома. Т. 2. София, 1984.
- Николаев 1984 – *Николаев С.Л.* «Кавказоидные» элементы палеобалканского субстрата // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы. М., 1984.
- Носович – *Носович И.И.* Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Орел 1981 – *Орел В.Э.* К этимологии серб. *blavor*, рум. *bălaur*, алб. *bullar* // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. № 2.

- ПБК 1985 – Похищение быка из Куальнге. Пер. С.А.Шкунаева. М., 1985.
- Сергиевский 1952 – *Сергиевский М.В.* Введение в романское языкознание. М., 1952.
- РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I-Београд, 1959- .
- Топорова 1994 – *Топорова Т.В.* Об одной кельто-германской параллели в области мифологии // Язык и культура кельтов. Материалы III коллоквиума. СПб., 1994.
- Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I-IV. М., 1964-1973.
- Цивьян 1977 – *Цивьян Т.В.* Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о Громовержце // Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
- Цивьян 1979 – *Цивьян Т.В.* Категория *видимого* : *невидимого*: балканские маргиналии // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- Цымбурский 1987 - *Цымбурский В.Л.* Беллерофонт и Беллер. (Реминисценция древнебалканского мифа в греческой традиции) // Античная балканистика. М., 1987.
- Anecdota 1814 – *Anecdota Graeca*. I. Ed. I.Bekker. Berolini, 1814.
- Astour 1965 - *Astour M.* Hellenosemitica. Leiden, 1965.
- Barić 1919 – *Barić H.* Albano-rumänische Studien. I. Sarajevo, 1919.
- Barić 1961 - *Barić H.* Albanische und albanisch-rumänische Wortstudien // *Godišnjak Balkanološkog Instituta*, knj. II. Sarajevo, 1961.
- Bartoli 1906 - *Bartoli M.* Das Dalmatische. II. Wien, 1906.
- Bezljaj 1976 – *Bezljaj F.* Etimološki slovar slovenskeg jezika. I. Ljubljana, 1976.
- Bîrlea 1976 – *Bîrlea O.* Mică enciclopedie a poveștilor românești. Buc., 1976.
- Bonfante 1968 – *Bonfante G.* Gli elementi illirici nella mitologia greca // *Archivio glottologico italiano*, 1968, 53.
- Brâncuș 1967 – *Brâncuș G.* Elementele lexicale autohtone în dialectul aromân // *Studii și cercetări lingvistice*, 1967, 18, 5.
- Brâncuș 1983 - *Brâncuș G.* Vocabularul autohton al limbii române. Buc., 1983.
- Brekilien 1981 – *Brekilien I.* La mythologie celtique. Paris, 1981.
- Candrea-Adămescu 1931 – *Candrea I.-A., Adămescu Gh.* Dicționar enciclopedic și ilustrat. Buc., 1931.
- Capidan 1935 – *Capidan Th.* Meglenoromâni, III. Dicționar meglenoromân. Buc., 1935.

- Charles 1966 – Apocrypha and Pseudepigrapha of the Old Testament in English. II. Ed. by R.Charles. L., 1966.
- Ciorănescu 1958 – *Ciorănescu A.* Dictionario etimologico Rumano. I. Tenerife, 1958.
- Cohuț-Vulpe 1973 – *Cohuț C., Vulpe M.* Graiul din zona “Porțile de Fier”. Buc., 1973.
- Çabej - *Çabej E.* Studime gjuhësore. I-VI. Prishtinë. 1976-1977.
- Çabej 1976 – *Çabej E.* Studime etimologjike në fushë të shqipes. II. Tiranë, 1976.
- Detschew 1976 – *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. 2. Aufl. Wien, 1976.
- DLR – Dicționarul limbii române, I. Buc., 1913.
- Durante 1950 – *Durante M.* Alb. *bullar* // Ricerche linguistiche, 1950, 1.
- Eliade 1969 – *Eliade M.* La țiganci și alte povestiri. Buc., 1969.
- Ernout-Meillet 1979 – *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. 4-me ed., 3-me tir. P., 1979.
- Fick-Bechtel 1894 – Die griechischen Personennamen, nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet von A.Fick. 2. Aufl. bearbeitet von Fr.Bechtel und A.Fick. Göttingen, 1894.
- Fjalor – Fjalor i gjuhës shqipe. Tiranë, 1954.
- Fjalor 1980 – Fjalor i gjuhës së sotme shqipe. Tiranë, 1980.
- Florescu-McNelly 1973 – *Florescu R., McNelly R.* Dracula. The Biography of Vlad the Impaler. 1431-1476. N.Y., 1973.
- Frasheri 1936 – *Frasheri S.Th.* Folklor shqiptar. 1. Durrës, 1936.
- Friedrich 1953 – Friedrich J. Hethitisches Wörterbuch. Fasc. 2. Heidelberg, 1953.
- Georgiev 1965 – *Georgiev V.* Le dace comme substrat de la langue roumaine // Revue roumaine de linguistique. 1965, 1-3.
- Gerard 1888 – *Gerard E.* The Land beyond the Forest. L., 1888.
- Gimbutas 1974 – *Gimbutas M.* The Gods and Goddesses of Old Europe. 7000-3500 BC. L., 1974.
- Gruppe 1887 - *Gruppe O.* Die griechische Culte und Mythen in ihrem Bezeichnungen zu den orientalischen Religionen. I. Lpz., 1887.
- Guberina 1958 – *Guberina P.* L'état du vocalisme dans le vegliote moyen et moderne // Annales de l'Institute française de Zagreb, 1958, 4-5.
- Guberina 1960a - *Guberina P.* La diphtongaison vegliote, est-elle une diphtongaison romaine? // Atti del VIII Congresso internazionale di studi romanzi. 2. Firenze, 1960.
- Guberina 1960b – *Guberina P.* La problème de la diphtongaison en vegliote // Studia romanica et anglica Zagrebiensia, 1960, 9-10.
- Güterbock 1951 – *Güterbock H.* The Song of Ullikummi // The Journal of Cuneiform Studies, 19521, 5, 4.

- Hadlich 1965 - *Hadlich R.L.* The Phonological History of Vegliote. Chapel-Hill, 1965.
- Hasdeu 1976 – *Hasdeu B.P.* Etymologicum magnum Romaniae. Ed. al 2-lea. 3. Buc., 1976.
- Hirtz 1928 – *Hirtz M.* Rječnik narodnih zoologičkih naziva. I. Zagreb, 1928.
- Holder – *Holder A.* Altceltischer Sprachschätze. Bd I-III. Lpz, 1961-1962.
- IB 1985 – The Interpreter's Bible in twelve volumes. Vol. X. Nashvill, 1985.
- Imparati 1977 – *Imparati F.* Le istituzioni de ^{NA}₄ *hekur* e il potere centrale ittita // Studi minoici ed egeo-anatolici, 1977, 18.
- Jordan 1952 - *Jordan I.* Nume de locuri românești în R.P.R. Buc., 1952.
- Jordan 1963 – *Jordan I.* Toponimia românească. Buc., 1963.
- Ispirescu 1969 - *Ispirescu P.* Opere. 1. Buc., 1969.
- Jokl 1921 – *Jokl N.* Vulgarlateinisches im Albanischen. Alb. *bollë* 'grosse Schlange' // Zeitschrift für romanische Philologie, 1921, 41.
- Kittel 1983 – Theological Dictionary of the New Testament. Ed. by G.Kittel. I. Grand Rapids (Michigan), 1983.
- Krahe 1925 – *Krahe H.* Die alten Balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925.
- Krahe 1929 – *Krahe H.* Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
- Krahe 1955 – *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. I. Wiesbaden, 1955.
- Kretschmer 1936 – *Kretschmer P.* Nochmals die Hypachäer und Alakšanduš // Glotta, 1936, 24.
- Kretschmer 1948 – *Kretschmer P.* Bellerophontes // Glotta 1948, 31.
- Κυριακίδου 1939 - Κυριακίδου Π. Βυζαντινὰ μελέται. IV. Τὸ Βολερόν // Ἐπιστημονικὴ ἐπετηρίς. Θεσσαλονικὴ, 1939.
- Lambertz 1970 – *Lambertz M.* Die Mythologie der Albaner. In: Wörterbuch der Mythologie. Hrsg von H.W.Haussig. 9. Stuttgart, 1970.
- Leotti 1937 – *Leotti A.* Dizionario albanese-italiano. Roma, 1937.
- Lewy 1895 – *Lewy H.* Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. B., 1895.
- Malten 1925 – *Malten L.* Bellerophontes // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institutes, 1925, 40.
- Malten 1944 – *Malten L.* Homer und die lykischen Fürsten // Hermes, 1944, 79.
- Marazov 1986 – *Marazov I.* The Hero in the Images from the Rogozen Treasure // Southeastern Europe, 1986, 13, 1-2.
- Mayer 1957-1959 – *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. I-II. Wien, 1957-1959.
- Meyer 1891 – *Meyer G.* Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Strassburg, 1891.

- Mihăilă 1974 – *Mihăilă G.* Dicționar al limbii române vechi. (X-XVI). Buc., 1974.
- Mușlea 1932 – *Mușlea I.* Cercetări folclorice în Țara Oașului // Anuarul Arhivei de folclor. 1932, V.
- Mușlea-Bîrlea 1970 – *Mușlea I., Bîrlea O.* Tipologia folclorului. Buc., 1970.
- Obća enziklopedija – Obća enziklopedija jugoslovenskog leksikografičkog zavoda. I. Zagreb, 1977.
- Oštir 1923 – *Oštir K.* Alarodica. I // Znavstveno društvo za humanistične vede v Ljubljani. Razprave, 1923, 1.
- Philippide 1928 – *Philippide A.* Originea românilor. II. Buc., 1928.
- Poghirc 1963 – *Poghirc C.* L'alternance *m/mb/b* en thrace et en albanaise // Linguistique balkanique, 1963, 6.
- Poghirc 1969 – *Poghirc C.* Influența autohtonă. In: Istoria limbii române. 2. Buc., 1969.
- Pokorny – *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I-II. Bern-München, 1959.
- O'Rahilli 1946 - *O'Rahilli Th.* The Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
- Rees, Rees 1961 – *Rees A., Rees B.* Celtic Heritage. L., 1961.
- Rječnik – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. VII. Zagreb, 1911.
- Russu 1970 – *Russu I.I.* Elemente autohtone în limba română. Buc., 1970.
- SABC 1980 – The Seventh-Day Adventists Bible Commentary. 6. Washington, 1980.
- Șăineanu 1979 – *Șăineanu L.* Basmele române. Buc., 1979.
- Sbiera 1971 – *Sbiera I.G.* Povești și poezii populare românești. Buc., 1971.
- Schmidt 1875 – *Schmidt I.* Zur Geschichte der indogermanischen Konsonantismus. Weimar, 1875.
- Skok 1930 - *Skok P.* Zum Balkanlatein // Zeitschrift für romanische Philologie. 1930, 50.
- Skok 1950 - *Skok P.* Slovenstvo i romanstvo na Jadranskim otocima. I-II. Zagreb, 1950.
- Skok 1971, 1972 - *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. 1, 2. Zagreb, 1971, 1972.
- Solta 1980 – *Solta G.R.* Einführung in die Balkanlinguistik mit besonderer Berücksichtigung des Substrats und des Balkanlateinischen. Darmstadt, 1980.
- Stokes 1891 – *Stokes W.* The Second Battle of Magtura // Revue celtique, 1891, 12.

- Strack-Billerbeck 1985 – *Strack H., Billerbeck P.* Kommentar zum Neuen Testament aus Talmud und Midrash. 3. München, 1985.
- Tagliavini 1972 – *Tagliavini C.* Le origini delle lingue neolatine. Bologna, 1972.
- Tomaschek 1980 – *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. Urveränderter Nachdrucke. Wien, 1980.
- TQ 1961 – Les textes de Quman. Par J.Carmignac et P.Guilbert. P., 1961.
- Vilhar 1931 – *Vilhar A.* Zur Deutung des Bellerophonmythos // Philologische Wochenschrift, 1931, 51.
- Vulcănescu 1985 – *Vulcănescu R.* Mitologie română. Buc., 1985.
- Walde-Hofmann 1938 – *Walde A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3. neubearb. Aufl. von J.B.Hofmann. Bd I. Heidelberg, 1938.
- Will 1955 – *Will E.* Korinthiaka. P., 1955.
- Yadin 1962 – *Yadin Y.* The Scroll of the War of the Sons of the Light against the Sons of the Darkness. L., 1962.

Рис. 1

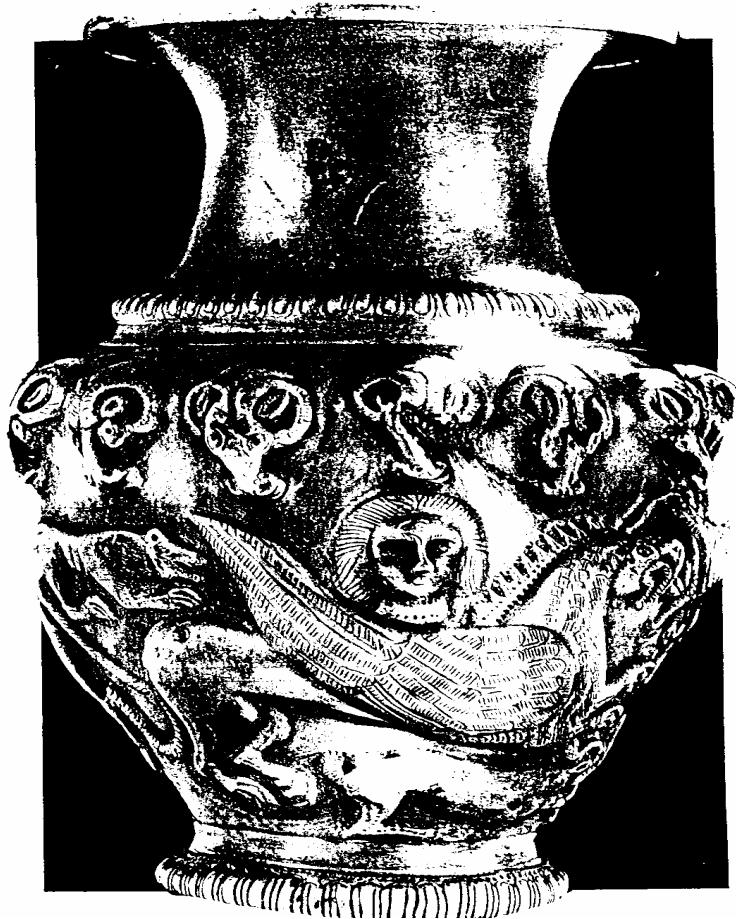

Рис. 2